

СТАНИСЛАВ ФИЛИПPOB

ПАМЯТЬ, ПАМЯТЬ НЕ ЗОВИ НАС В ДЕТСТВО.

(Документальные повести о детях войны)

ПРОШЕДШИЕ ЧЕРЕЗ АД

Говорят, дети не помнят зла. Не потому ли в нашей памяти от самых истоков жизни наиболее яркими остаются светлые воспоминания: нежность и ласка матери, сила больших и крепких рук отца, радостные семейные праздники, беззаботные игры с друзьями, отмеченные множеством “невероятных” историй. Эти милые воспоминания живут в нас до самого конца жизни. И не потому ли слово “детство” мы всегда привычно соединяем со словом счастье?

Но есть целое поколение людей, которые предпочитают без нужды не вспоминать о том, что было с ними в детстве. Всю жизнь они живут с памятью о страшных событиях, пережитых ими на заре своей жизни в тяжкие годы фашистского нашествия. А среди них дети блокадного Ленинграда.

Дети войны, дети-блокадники... Из тысяч и тысяч страниц летописи о Великой Отечественной войне эта до сих пор остается незаполненной. Мы далеко не все знаем о судьбах маленьких ленинградцев прошедших все круги ада, в стиснутом огненным кольцом городе. Еще меньше известно о судьбах детей, которые весной 1942 года, были вывезены из города на Неве в другие районы страны.

Как посчастливилось им выжить в холодном и голодном городе? Как миновали они тающий лед Ладожского озера? Каким стал для измученных голодом, малышей долгий путь на новые места? Как потом сложилась их судьба?

С этих вопросов начинал и я свой поиск материалов о судьбах детей-сирот, в годы военного лихолетья оказавшихся на Кубани. Не один год пришлось собирать сведения о событиях того времени, происходивших в старых казачьих станицах, раскинувшихся в живописных долинах рек Уруп, Большой и Малый Тегини. Была долгая переписка с архивами, поиск бывших воспитанников ленинградских детдомов, были встречи с ними в городе на Неве и на Кубани. Для меня этот поиск, эти поездки, всегда были долгожданны и приятны, ибо я тоже считаю себя в какой-то мере ленинградцем: в этом городе прошла моя студенческая молодость, там и сейчас живут мои однокашники по Горному институту. А теперь есть у меня там друзья из тех горожан, кто считает Кубанское предгорье своей второй родиной, где живут дорогие им люди, спасшие их во время вражьего нашествия.

В основе этих коротких повестей лежат собранные мной их воспоминания, дневники, архивные документы, письма очевидцев тех далеких событий.

Ленинградка Людмила Тимофеевна Козенкина (Люда Дмитриева), бывшая рабочая завода «Красный треугольник» свое коротенькое письмо начинает так:

“Не могу спокойно вспоминать о детстве. Пишу это письмо, а слезы застилают глаза, не вижу строчек.

Когда началась война, мне было 12 лет. Мы с мамой жили тогда в центре города, на проспекте 25 октября, сейчас это Невский проспект, в доме № 146, кв. 70. Мама работала курьером в Доме культуры имени Ленина. Жили мы с ней дружно, счастливо. Радовались каждому дню.

Но однажды она прибежала домой сильно встревоженная, прижала меня к себе и зарыдала. Так в наш дом пришла весть о войне. Для меня в том возрасте все происходящее было не очень понятно, но прошли недели, и я на себе испытала, что значит это страшное слово. Начались бомбежки, холод, голод. Помню, как мы с мамой ходили в Филипповскую булочную и в темноте, на пронизывающем морозном ветру, часами выстаивали огромные очереди, чтобы получить маленький брусочек хлеба — 125 граммов. Большую часть его мать, конечно, отдавала мне, потому сама быстро стала слабеть, а затем и вовсе слегла. В нашей комнате был такой холод, что на стенах блестел иней. Чтобы обогреть маму, я помогла ей перейти в кухню, уложила на плиту, которую стала понемножку протапливать старыми газетами, книгами, лишним бельем, потом сожгла стулья, а затем в печь полетели и мои школьные тетрадки и учебники. За хлебом я теперь ходила сама. Улицы были пустынные, только нет-нет да и встретится кто-нибудь, тянущий сани с завернутым в простыню покойником. Сколько их, ленинградцев, лежит теперь на Пискаревском мемориальном кладбище! Там похоронена и моя мама. Не помогла ей моя забота. Она умерла 22 февраля 1942 года. А я вскоре попала в детский дом, который был в нашем доме, этажом ниже, в помещении детского сада. Так я стала воспитанницей 1-го детдома Смоленского района города Ленинграда”.

Еще одна ленинградка Галина Андреевна Гунченко (Галя Кириллова) после войны, жила на Кубани, в станице Отрадной. Сейчас переехала в Ленинград, где когда-то родилась. В 1942 году ей было шесть лет, но она многое помнит.

“Мы жили в Ленинграде на Петроградской стороне. Отец ушел в ополчение и, в первые же дни погиб. Нас у матери было трое: я, брат младше меня и еще сестренка, совсем крошка. В памяти осталось: пустая квартира с двумя железными кроватями (деревянную мебель сожгли, отапливая квартиру), ужасающий вой сирены, грохот бомбежки и голод - все время страшно хотелось есть. Помню еще, что мама варила нам лепешки из столярного клея и горчицы, которую сначала

долго вымачивала, чтобы она потеряла горечь. Однако скоро не стало и этого. Через несколько дней от голода умерла младшая сестра, а потом не смогла вставать и мама. Мы с братом какое-то время еще держались, я несколько раз ходила в магазин с хлебными карточками. Но потом и я уже не могла спускаться по лестнице. Больше ходить за хлебом было некому...

Однажды в нашу квартиру пришли какие-то женщины и заявили, что меня с братом они забирают с собой. Мы заплакали, прижались к маме, а она вдруг тоже сказала, чтобы мы шли с тетями, потому что они дадут нам покушать. В тот день, преодолевая слабость, мама поднялась с постели чтобы собрать нас. Помню, что она зашила в подкладку пальтишек наши документы, потом проводила до двери, обняла, поцеловала... И больше мы с братом никогда ее не видели.

X X X

Ленинград, конец 1941-го - начало 1942 года. Жесточайшие обстрелы и бомбежки города, морозная зима, невыносимый голод уносили множество жизней не только тех, кто с оружием в руках сдерживал натиск гитлеровских полчищ, но и тех, кто в труднейших условиях продолжал работать на заводах и фабриках города, помогая фронту одолеть врага. Общую ношу беды вместе со взрослыми несли и дети, хотя власти города старались делать все возможное, чтобы облегчить участь маленьких ленинградцев, спасти их от гибели. Ранней весной 1942 года детей начали вывозить из города по единственной нити, связывающей его с Большой землей — ледовой дороге через Ладожское озеро, названной потом «Дорогой жизни». То был смертельно опасный путь, проходивший под постоянными вражескими обстрелами, среди предательски скрытых под легкой порошей огромных полыней, пробитых фашистскими бомбами и снарядами.

“Через Ладогу нас везли на старых, разбитых автобусах, - пишет еще одна блокадница Елизавета Афанасьевна Желницкая.

- В том, где ехала я, не было даже сидений. Все дети и воспитатели сидели прямо на дырявом полу, прижавшись, друг к другу. Через пол и рваные, пробитые осколками бока автобуса было видно, что ехали мы по воде, покрывшей лед, а над нами, словно брезент, колыхалась из стороны в сторону изрешеченная пулями верхняя часть салона автобуса. Было холодно и очень страшно. Когда мы проехали примерно половину пути, в сером небе появились черные самолеты, послышались их противный вой и взрывы бомб, пробивающих лед. Одна из них оглушительно разорвалась совсем рядом. Нас обдало водой и осколками льда, а еще через секунду сзади раздался душераздирающий крик. Мы повернулись туда и через

дыры в автобусе с ужасом увидели, как одна из машин, с такими же, как мы, детьми переворачивается и уходит под лед. Мы тоже закричали от ужаса, заплакали. До сих пор стоит у меня в глазах эта жуткая картина.

Потом мы ехали в "телячьих вагонах", так называли тогда теплушки. Помнится, в дороге кормили нас галетами и сгущенным молоком, а вот с водой, особенно горячей, было очень трудно. Не везде на станциях нашим воспитателям удавалось достать ее, и тогда, кто в чем мог, растапливал снег.

На остановках к эшелону подходили люди. Они откуда-то узнавали, что везут ленинградских детей и приносили к вагону еду и воду.

Несколько раз на стоянках мы оказывались вместе с военными эшелонами, и тогда много солдат приходили посмотреть на нас, угостить, кто чем мог. Некоторые, помнится, искали своих детей и, по-моему, кто-то даже находил малышей и забирал с собой. Но особенно памятна мне одна большая станция. Это был уже разрушенный Сталинград. Не знаю, почему запомнился мне этот город. Скорее всего, потому, что именно там на нас налетели немецкие самолеты и, была сильная бомбежка. Все составы тогда быстро ушли со станции, а нас потом еще раз бомбили в дороге, правда, наш вагон не пострадал. Помню только, что снова, как и в Ленинграде, было очень страшно”.

Казалось бы, война для этих детей кончилась — поезда уносили их в глубь страны от разрухи, голода, холода и бомбежек к теплу, и хорошему питанию, но, как ни тяжело сейчас говорить об этом, не все маленькие ленинградцы той военной весной увидели солнечный цветущий юг.

Многие из них умерли уже в дороге от ран, обморожений и истощения, многие погибли в пути при вражеских налетах на эшелоны.

Тяжелые воспоминания о поездке на юг остались в памяти московского шофера Виктора Савельевича Селякова. Он родился в Ленинграде, в семье было четверо детей. Когда началась война, отец ушел на фронт, а мать с тремя детьми погибла во время бомбежки. Так Виктор попал в 1-й Ленинградский Смольненский детдом, с которым и был эвакуирован из блокадного города.

“Наш состав избежал бомбежки, - вспоминает он. - Но в самом начале пути его обстрелял из пулемета немецкий самолет. Сначала он очень низко пролетел вдоль состава, машинист паровоза стал сигналить, и многие дети собрались у приоткрытых дверей и окон вагона, фашист, конечно, видел, что в поезде едут дети. Кроме того, как говорили нам воспитатели, на крышах вагонов были нарисованы красные санитарные кресты. Однако гитлеровский ас все равно стал с оже-

сточением обстреливать состав. Когда мы услышали стрельбу, особенно малыши и девчонки, страшно перепугались, попадали на пол, забились под нары. Но пули крупнокалиберного пулемета легко пробивали дерево. Трижды заходил самолет на состав, трижды мы слышали его противный вой с пулеметным треском и трижды разлетались по вагону щепки от пробиваемых пулями досок вагона...

Это было ужасно. Когда фашист улетел, в нашем вагоне не поднялась девочка Наташа, с которой я успел подружиться. Она долго потом снилась мне по ночам. Я и сейчас помню лицо этой девочки, которая рассуждала, как взрослая.

На одной из станций поезд остановился, и из вагонов стали выносить трупы детей и воспитателей, погибших при этом обстреле. Эта страшная картина до сих пор стоит у меня перед глазами. Я тогда сильно плакал, и не только от жалости к погибшим, но и от того, что не мог отомстить фашисту”.

X X X

Кубань - благодатный край. Откуда бы ни приезжали сюда люди, они неизменно восхищаются красотой ее горных и морских пейзажей, плодородием полей, гостеприимством жителей. В годы Великой Отечественной войны Кубань стала щедрой кормилицей для фронта, заботливой сестрой милосердия для тысяч раненых солдат, ласковой и хлебосольной матерью для осиротевших детей.

Отраденское предгорье было одним из районов Кубани, где в годы войны разместилось несколько ленинградских детских домов.

В архивах Краснодарского крайоно и Государственного музея истории Ленинграда есть документы, в которых содержатся отчеты о работе детских домов за 1943, 1945 и 1946 годы, где есть такие сведения:

«Весной 1942 года около 30 детских домов Ленинграда были эвакуированы в Краснодарский край. Большая часть детей была ясельного и детсадовского возраста. Размещались они в глубинных станицах края, в том числе и таких как: Удобненский (ст. Удобная и Передовая), Отраденский (ст. Попутная), Спокойненский (ст. Надежная) и других. В этих районах было самое большое на Кубани количество эвакуированных ленинградцев. В Передовском спецдетдоме находилось 82 ребенка, в Попутненском – 84, в Надеженском 70 детей из Ленинграда».

Многие ленинградцы считают эти кубанские станицы второй родиной. Прошло уже много десятилетий, а они не могут без боли вспоминать о пережитом.

Вот как рассказывает о приезде на Кубань одна из бывших воспитанниц Отраденского, детдома Эльга Эрнестовна Минеева (Бертина) из города Суходольска: “В Армавир мы приехали 28 апреля 1942 года. На следующий день нам

дали немножко отдохнуть, потом была баня, а уже после обеда повезли в Отрадную. Встречать нас пришло очень много людей, и когда детей снимали с машин, каждый старался что-нибудь вкусное сунуть в их протянутые ручонки. Женщины плакали, глядя на нас.

В столовой уже были накрыты столы. До сих пор отчетливо помню, что было на них: суп с курицей, белый-белый хлеб и компот. А еще запомнилось, что в этот день нам дали наесться досыта.

Размещался наш детдом в школе, что была в парке, рядом с больницей. Нас там было около сотни истощенных, больных, обессиленных детей. Конечно, было сделано все возможное, чтобы мы хорошо питались, но продуктов все равно не хватало, и тогда нам стали помогать местные жители. У нашего детдомовского повара Нины Романовны была сестра Полина Майстренко. Так вот, несмотря на то, что у тети Поли было двое сыновей, она каждый день брала в семью двоих-троих самых слабеньких, болезненных детей, чтобы подкормить их, помочь окрепнуть. И я во многом обязана жизнью этой доброй, сердечной женщине. Старостой нашего класса был Витя Арчибасов. Коренастый, курносый, немного веснушчатый, общительный мальчуган. Благодаря ему у нас сложились дружеские отношения с местными учениками, “семейными” как мы их называли. Отраденские ребята постоянно таскали нам из дому съестное, поддерживали, как могли, и к лету мы уже так окрепли, что могли сами ходить в больничный сад, к реке Уруп.

Но снова пришлось нам пережить горькие минуты, когда через станицу проходили наши отступающие части, а вскоре пришли и немцы. Не знаю, каким образом удалось директору Анастасии Ефимовне Волковой связаться с местным населением, но в первые же дни оккупации к нам стали потихоньку приходиться жители из станиц и хуторов и забирать детей в семьи. Многие ребята, однако, остались в детдоме. Мне до сих пор непонятно, откуда воспитатели брали продукты, чтобы прокормить нас. Все мы благодарны этим мужественным, людям за то, что выжили в то жуткое время. Низкий поклон им!”.

Автору этих строк удалось разыскать в Грузии бывшую воспитанницу Отраденского детдома Евгению Максимовну Хамидулину. Вот что хранила её память о жизни в Отрадной:

“В тот год 1 сентября не стало для нас праздником первого звонка. При оккупантах, мы не учились. В школьном дворе не слышно было, веселых ребячьих

голосов, там стояли большие военные машины, а немецкие солдаты, которые на них приезжали, вели себя развязно, нагло, давая понять, что они здесь хозяева.

Однажды они ворвались к нам в помещение и стали всех выгонять на улицу. Во дворе построили нас в шеренгу. А когда мы, дрожащие от страха, сбились в неровный ряд, один из офицеров стал ходить вдоль строя и выталкивать из него некоторых детей. Потом он подошел к воспитателям и тоже вытащил из строя одну из наших воспитательниц и ее маленькую дочь, которая стояла прижавшись к матери. Помнится, в этот день из детдома увезли тринадцать человек. Мы, конечно, сразу ничего не поняли, но потом воспитатели объяснили нам, что немцы отобрали среди нас детей еврейской национальности и расстреляли. Совершенно случайно спаслась лишь одна девочка - Женя Прудиус. Она где-то замешкалась, не успела на построение. Потом мы долго скрывали ее от немцев в туалете.

Наступила зима. Стало очень плохо с питанием, кроме того немцы забирали у нас все дрова, поэтому в наших комнатах был ужасный холод. Многие дети заболели. Мы забыли даже о том, что приближается Новый год. Об этом напомнили немцы. Они привезли елку и установили ее в зале. Сначала пьяными голосами сами горланили песни, а потом согнав туда и нас, стали заставлять петь по-немецки. Под звуки губной гармошки мы нестройно бормотали какие-то непонятные слова. У нас, конечно, ничего не получалось, но это не смущало гитлеровцев, наоборот, приводило их в неописуемый восторг. Они заставляли нас много раз повторять одно и то же, и при этом, скаля зубы, громко хохотали, больно тыча в нас пальцами. Невесело нам было у той елки, потому что, глядя на зеленую лесную красавицу, нам хотелось петь русскую песню "В лесу родилась елочка...".

После этого "торжества" прошло, мне кажется, не очень много времени, и вот однажды утром мы проснулись от радостных криков, доносившихся с улицы. Забыв о холоде, все бросились к окнам и увидели, что по станице скачут казаки с красными звездочками на шапках. Мы сразу все поняли, закричали "ура!», схватили кто что успел из одежды и выбежали на улицу.

Казаки наварили нам огромный котел супу, и мы в то утро впервые за многие месяцы ели сколько хотелось. А вечером нас повели в Баню. Пишу это слово с большой буквы не случайно, ведь во время оккупации мы не могли даже мечтать о ней. Тот банный день стал для нас настоящим праздником".

Расстрел, о котором упоминает Е.М. Хамидулина, старшее поколение станицы Отрадной не сможет забыть никогда. Хотя место, да и сам факт казни, оккупанты старались всячески скрыть от местного населения. Но нашлись люди, которые оказались свидетелями этого жуткого зрелища.

Мне удалось найти двух из них. Николай Андреевич Герасименко жил в селе Пискуновском, собирал материал по истории этого населенного пункта и потому часто навещался в районный музей, а, узнав, что я занимаюсь событиями периода оккупации предгорья, однажды рассказал мне такую историю:

- Летом 1942 года к нам в Пискуновку стали прибывать беженцы, которые, спасаясь от войны, ушли с Украины и Крыма. К началу оккупации их было уже более пятидесяти человек. Кто-то из них жил в брошенных хатах, кому-то колхоз дал помещения, а некоторые семьи взяли к себе на постой наши сельчане. Среди беженцев были в основном старики и женщины, а с ними много детей разного возраста. Из разговоров с ними мы узнали, что у некоторых родители погибли еще там, где они жили, у других при бомбежках в дороге.

Я познакомился с одной из девушек-беженок Марией Ройч. Мы подружись и она по моей просьбе иногда рассказывала что с ними произошло в пути.

Но вот поползли слухи, что немцы прорвались к Армавиру, а потом мы узнали, что они уже заняли и наш райцентр станицу Отрадную. Вскоре, пришли они и в наше село. В Пискуновке немцы не жили, но часто навещались. Сначала как будто ничего не происходило, оккупанты, интересовались в основном партизанами и коммунистами, требуя немедленно сообщать о них, кто что знает.

К беженцам же никакого интереса не проявляли. Но потом, вместе со здешними полицией, с целью переписи, стали ходить по домам, как бы знакомясь с его жителями и их хозяйствами, при этом стали пофамильно переписывать всех, в том числе и беженцев в большие амбарные книги. Некоторые, беженцы, видимо заподозрили в этом неладное, и при помощи местных жителей где-то надежно спрятались, либо вовсе исчезли из села. К счастью, облав у нас не проводилось.

Но однажды рано утром, еще до рассвета, в село въехали с двух сторон несколько подвод. Полиция ходила по дворам, выводили беженцев вместе с детьми и сажали на брички. В то утро из нашего села увезли несколько десятков человек, среди которых оказалась и Мария. Нам сказали, что это забрали евреев, их якобы собираются отправить в Палестину. Но я узнал, что этих людей увезли в Отрадную и на следующий день отправился туда сам.

Там не составляло труда узнать, что всех арестованных держат в больших амбарах и конюшне, что стояли в то время в районе нынешней автостанции. Я пошел туда, но оказалось, что и все эти строения и огороженные дворы перед ними охраняются вооруженными полицией. Правда, люди могли свободно выходить из здания, гулять по двору. Среди них я увидел и Марию. Хотя я был еще подростком, но почему-то решил, что ее надо спасать. План созрел как-то сразу. Дело в том, что я хорошо знал это место. Там вдоль глухой стены старого турлучного здания идет берег реки Тегинь, покрытый густыми зарослями крапивы. Я осторожно проверил, есть ли там охрана. Но там никого не было.

Оказалось, что одного из полицаев, молодого парня, я немного знал. Подойдя к нему, попросил разрешения передать девушке немного еды. Он долго не соглашался, а потом, когда большинство охранников ушли обедать, разрешил подойти к забору и передать еду Марии. Во время короткой встречи я шепнул ей, что ночью помогу ей бежать, и сказал в каком месте сарая ей надо ждать меня.

Для такого дела ночь выдалась как нельзя лучше: с вечера надвинулись черные тучи, стал накрапывать дождь, а потом разразился страшный ливень с сильным ветром, который бушевал до утра.

В Отрадной я нашел одного своего дружка, чтобы он постоял “на шухере”.

Подготовил крепкий из сухой акации заостренный кол. Ночью через заросли крапивы я подлез к глиняной стенке сарая в том месте, где меня ждала Мария и быстро выкопал небольшой лаз под турлучной стеной. Небольшого росточка, худенькая Мария быстро выбралась наружу. Следом за ней вылезла ее подруга Ольга и еще какой-то мальчик лет 12. Мы сразу же дали деру оттуда. Потом говорили, что в ту ночь через мой лаз убежало еще несколько человек.

Как мне стало потом известно, Марию и Ольгу полицаи арестовывали еще несколько раз, но судьба уберегла их от казни и они прожили долгую жизнь.

А тогда, через несколько дней после побега ребят Отрадная узнала о страшной трагедии, которая разыгралась в нескольких километрах от станицы на берегу реки Уруп, в районе ГЭС, строительство которой было начато еще до войны.

Вот что рассказал об этом еще один свидетель тех событий житель Отрадной Оганес Карапетович Сарьян:

- Нас, несколько пацанов, послали на другой берег Урупа заготавливать хворост для топки печей. Мы собирали его в пойме реки недалеко от рва, прорытого для канала ГЭС. Собираем мы сушняк. Вдруг где-то неподалеку раздался

какой-то треск, а вслед за этим мы слышали душераздирающие крики людей, плач, проклятья и снова тот же треск. Сначала мы бросились убегать, но любопытство все же пересилило, тем более, что эти звуки были где-то недалеко от нас.

На крутом высоком берегу Урупа, на одном из косогоров мы нашли такое место, откуда, спрятавшись в кустах, можно было издали видеть все, что происходило на канале. Часть леса и глубокого рва, были оцеплены фашистами. На дороге стояло несколько крытых брезентом студбеккеров. Полиция вызывали по четыре человека, заставляли раздеваться, ставили на край рва, а несколько фашистов расстреливали людей из автоматов. Убивали всех подряд. Мы с ужасом наблюдали, как к месту расстрела шли несколько женщин. Одна из них одного малыша несла на руках, а другого, постарше, вела за руку. После автоматных очередей все они упали в ров на груды трупов, которая уже образовалась на его дне.

Мы в страхе убежали оттуда, однако пока добрались до реки, выстрелы прекратились, и мы вернулись обратно. Оказалось, что фашисты и полиция сели отдохнуть и пообедать, а люди ждали своей участи. Из машин никого не выпускали, чтобы люди не разбежались. Пообедав, автоматчики подошли ко рву и стали стрелять по лежащим там людям. Видно добивали раненых.

Смотреть на все это мы больше не могли, побежали домой, и рассказали обо всем родителям.

Позже стало известно, что кто-то из отрядников ночью ходил к месту расстрела. Свои жертвы палачи присыпали землей, но говорят, что из глубины рва слышали стоны, а кое-где шевелилась земля. Рассказывали, что несколько раненых все же выбрались из этого ада и спаслись. Одна из таких раненых девочек под утро приползла в поселок Садовый, но видно обессилев села у плетня, но оказалось, это бы дом полиция. Ее снова схватили и расстреляли с другой группой.

Многие старожилы станицы Отрадной помнят и еще одну историю, связанную с тем расстрелом на ГЭСе.

После казни ночью из рва вылез раненый мальчик. К утру он дошел до крайних хат, что стояли на берегу Урупа, но, пытаясь открыть калитку одного из дворов, потерял сознание и упал. Там и нашли его хозяева, вышедшие утром за водой. Они, конечно, поняли, откуда пришел этот испачканный грязью и кровью ребенок. После перенесенного стресса у мальчика случилось тихое помешательство: он боялся всего и всех, даже при громком разговоре на него находил паниче-

ский страх, он забивался куда-нибудь в дальний угол и, дрожа всем телом, тихо рыдал. Даже имя свое он с трудом вспомнил только через несколько дней.

Пока немцы были в станице, мальчика скрывали от посторонних глаз, а когда оккупанты из района бежали, Абрама (так звали мальчика), пристроили в станичную пекарню, где он выполнял посильную несложную работу, помогая пекарям, и тем кормился. А самое главное, в пекарне он почему-то чувствовал себя спокойно. Абрам оказался человеком работающим, заботливым, отзывчивым, чем снискал к себе не только сострадание, но и уважение.

В пятидесятых годах где-то на Украине у него нашлись родственники забравшие Абрама к себе. Что стало с ним потом, никто не знает.

Только весной 1943 года после того как фашистов выбили с Кавказа жители Отрадной и поселка Садовый смогли перезахоронить тела погибших в братскую могилу. На памятнике, который возведен над захоронением такая надпись:

“Здесь расстреляно 500 советских граждан фашистскими палачами в октябре 1942 года”.

Но я думаю, что эта цифра приблизительно. Ибо никто учета не вел и списки не составлял. Разве что полицаи. Но в руки освободителей они не попали.

После войны, в 1947 году были попытки властей Отраденского района установить фамилии людей, погребенных в этой братской могиле. Под расстрел, как вы помните, попали в основном беженцы, которые даже от людей, у которых они были на постое, скрывали не только свои фамилии, но и место, откуда они прибыли на Кубань. Да и местное население не зная, чем им в дальнейшем могут грозить контакты с пришлыми людьми, даже работникам своего сельсовета не склонны были давать какую-то информацию о беженцах. Поэтому, судя по документам, хранящимся в отраденском госархиве, общее количество казненных фашистами жителей согласно представленным актам составляет по Отраденскому району 109 (сто девять) человек. Пофамильно же было установлено только 59 (пятьдесят девять) человек. Считаю нужным привести все фамилии этих несчастных жертв с той целью, что, возможно, кто-то и по сей день ищет своих родственников, без вести пропавших в горниле той самой кровопролитной из войн.

СПИСОК ЛЮДЕЙ, РАССТРЕЛЯННЫХ НЕМЕЦКИМИ ОККУПАНТАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 Г.Г. ПО ОТРАДНЕНСКОМУ РАЙОНУ

1.Лapidос Бронислава

2. Падалкин Николай Иванович, 1924 г.р.
3. Заславский Зиновий Абрамович, 1921 г.р.
4. Сухов Н.Т., 1893 г.р.
5. Рывлин Г. И.
6. Рывлина Евгения
7. Вязьменская София Юлиановна, 1889 г.р.
8. Вязьменская Валентина Мироновна, 1926 г.р.
9. Бегельман Анна Иосифовна, 1911 г. р.
10. Бегельман Пелагея. Иосифовна, 1917 г. р.
11. Бегельман Клара Иосифовна, 1903 г. р.
12. Френкель Яков Моисеевич, 1930 г.р.
13. Горнопольский
14. Бухтиярова Яния
15. Рамзин Моисей
16. Венгерова Фина
17. Горелик Броха
18. Проценко Николай. Ермолаевич
19. Буцкий Константин Алексеевич, 1910 г.р.
20. Брагинский Хайм Абрамович, 69 лет
21. Брагинский Этин, 62 года
22. Мостовой Михаил Давыдович, 58 лет
23. Миллер Сара Давыдовна, 32 года
24. Миллер Григорий, 12 лет
25. Миллер ... , 8 лет
26. Миллер ..., 6 лет
27. Вилявская София Исааковна, 34 года
28. Вилявская Миля, 13 лет
29. Ливит Григорий Михайлович, 55 лет
30. Ливит Рива, 42 года
31. Ливит Ася Григорьевна, 18 лет
32. Ливит Яков Григорьевич, 16 лет
33. Симонович Ревекка, 46 лет
34. Симонович Элла Яковлевна, 17 лет
35. Симонович Леонтий Яковлевич, 12 лет
36. Симонович ..., 67 лет

37. Мельц Бэлла, 45 лет
38. Штельман Абрам Моисеевич, 65 лет
39. Шустеров Илья Самойлович, 63 года
40. Бычков Георгий Васильевич, 1888 г.р.
41. Чернов Андрей Афанасьевич, 1920 г.р.
42. Савишко Иван Ефимович, 1902 г.р.
43. Гершман Яков Саломонович, 1920 г.р.
44. Гунин Яков Дмитриевич, 1921 г.р.
45. Данилов Петр, 1922 г.р.
46. Сушков Николай Николаевич, 1924 г.р.
47. Зильберман Вера, 1923 г.р.
48. Зильберман Татьяна, 1918 г.р.
49. Андрющенко Иван Антонович, 1911 г.р.
50. Цинтринбаум Проня, 1890 г. р.
51. Цинтринбаум Феня, 1924 г.р.
52. Цинтринбаум Борис, 1930 г. р.
53. Комиссарук Прасковья, 1907 г.р.
54. Комиссарук Галина, 1929 г.р.
55. Комиссарук Елена, 1935 г.р.
56. Яцунов Николай Арсеньевич, 1905 г.р.
57. Ламушев Василий Лукич, 1895 г.р.
58. Заживихин Сергей Фролович, 1918 г. р.
59. Петряков Виктор Андреевич, 1922 г.р.

Отраденский госархив: фонд № 55, опись №1, дело №9а.

Х Х Х

...В июне 1976 года в Отраденский универмаг зашла женщина. Прошла вдоль прилавка в поисках покупки и вдруг у одного из них остановилась, внимательно всматриваясь в лицо продавца.

- Вы что-то хотите спросить? - осведомилась продавец.

- Ты не узнаешь меня, Лена?

Работница универмага Елена Даниловна Молчанова (Галченко), внимательно присмотревшись к покупательнице, узнала в женщине самую маленькую, худенькую девочку - Элю Бертину из Попутненского детского дома, где она в 1943 — 1945 годах работала пионервожатой.

Летом 1943 года Отрадненский детдом расформировали, а детей перевели в Попутную, Удобную, Передовую. Так Эля попала в Попутненский детдом, куда по путевке комсомола пришла работать и шестнадцатилетняя Лена Молчанова.

После войны Эльга Эрнестовна Бертина уехала в Сибирь. Оказалось, что у нее жив отец. Теперь она и сама уже была бабушкой, у нее были славные внуки.

Не знаю, можно ли сказать, что судьба Эли Бертиной сложилась счастливой судьбой других детдомовцев лишь потому, что воспитывалась она в своей семье. Разве менее счастливыми оказались те маленькие ленинградцы, кто называет отцом и матерью жителей отрадненского предгорья, отдавших им всю доброту своего сердца, действительно по-родительски любивших их.

Девочку Галю взяла на воспитание работник Отрадненского райкома партии Надежда Алексеевна Бочкарева. Вот что рассказала об этом она сама:

“Когда к нам в Отрадную привезли ленинградских детей, первый секретарь райкома Тимофей Иванович Евтушенко собрал всех нас и сказал:

-Товарищи! К нам привезли детей, которые пережили страшные лишения, потеряли здоровье, стали сиротами. На нас с вами легла огромная ответственность не только, спасти им жизнь, но и вернуть радость детства. Поэтому каждый из вас должен взять к себе в семью хотя бы по одному малышу... - Евтушенко сказал это строгим, требовательным тоном, но тут же смутился: понял, видно, что нельзя в этой ситуации нажимать, приказывать, и тогда уже мягче добавил:

- Прошу вас... Дети не должны быть сиротами.. Пусть их будет, хотя бы, меньше...”.

Мы к тому времени знали, что сам Евтушенко уже взял на воспитание ребенка из какого-то детдома.

У меня детей не было, но я, признаться, и сама еще раньше решила взять себе какого-нибудь малыша, а тут как раз и случай представился. Приглянулась мне в детдоме маленькая тихая девчушка Галя.

В первые месяцы, помню, разговоры у нас с ней все время были про еду: она панически боялась, что ее вдруг не станет. А по ночам девочка часто просыпалась от собственного крика: вскакивала, металась и потом долго плакала навзрыд, в страхе прижимаясь ко мне. Иной раз до самого рассвета я не могла ее успокоить, а утром она рассказывала, что ей приснился вой сирен, страшный грохот бомбежки, горящие, рушащиеся дома и падающая в поляны машина с детьми. Все это пережила Галя в Ленинграде и на Ладого.

Мне удалось подобрать ключик к душе Гали. Постепенно она успокоилась, стала хорошо учиться, у ней появились друзья и подруги. Словом, жизнь ее вошла в нормальное русло. И я была рада, что у меня теперь есть дочь, дорогой мне человек.

Но порой непросто складывались отношения между детьми и их новыми родителями. Бывшая воспитанница Отрадненского детдома, театральная работница из города Фурманова Валентина Крылова пишет:

“О детдоме у меня очень скудные воспоминания. Помню, что очень болела, всего боялась, врезалось в память: длинный, грубо сделанный стол, а на нем много хлеба. И еще запомнила, как пришла за мной мама Ефимия Викторовна Постникова. Позже уж узнала от матери, что директор никак не хотел отдавать меня, не надеялся, что я останусь жива. Но мама стояла на своем и добила, чтобы меня отдали именно ей. Долго, упорно боролась она за мое здоровье, и я, наконец, пошла на поправку, выздоровела и окрепла. Хорошо было с моей мамочкой, но потом вдруг какая-то сердобольная женщина “по секрету” сказала мне, что Ефимия Викторовна не родная мать, а у меня родителей нет. Надломилось что-то в моем детском сердце. Стала я злой, ни с кем не разговаривала, всем завидовала. Совсем извела себя мыслью, что нет у меня родных, что чужая всем, что самый несчастный человек. Никогда не прощу себе, что в тот момент я грубила моей маме, убегала из дому, дошла до отчаяния. А Ефимия Викторовна продолжала по-прежнему нежно любить меня, только стала еще мягче, еще добрей ко мне.

Придет, бывало, с работы, уставшая до изнеможения, и, если меня нет дома, идет искать. Найдет, ни слова не скажет, возьмет за руку, прижмет к себе и осторожно ведет домой. Накормит, уложит спать, а сама так и сидит рядом с моей кроватью пока я не усну.

Простая, скромная труженица, жизнь которой сложилась так, что она не смогла получить даже начального образования, но сумела вырастить и воспитать меня настоящим, полезным стране человеком.

Теперь я и сама мать, могу представить, какое же надо было иметь терпение, сколько сердечной доброты, чтобы вот так, час за часом, день за днем бороться за меня! Бороться, верить и победить. Лишь с возрастом понимаешь величие подвига людей, которые, не щадя себя, дарили детям жизнь, возвращали им радость счастливого детства. Нельзя на словах выразить им свою благодарность за то, что не было для них “чужих” детей”.

Дети войны... Не помню уж, где я слышал или прочитал такую фразу: “Самая большая бесчеловечность войн в том, что в них страдают дети”. Но, познакомившись с воспоминаниями бывших воспитанников Надеженского детского дома № 26 я подумал, что слово “страдать” лишь в малой степени отражает то душевное и физическое состояние, которое некоторым из них пришлось пережить.

Так сложились обстоятельства, что в станицу Надежную попали ленинградские дети, которые к началу оккупации уже оказались беспризорными. Читаешь письма этих “ленинградцев из Надёжной” и ком подкатывает к горлу.

“По пути на юг я сильно заболела, - рассказывает ленинградка Людмила Николаевна Бойцова (Люда Кузьмина). - Больных обычно снимали с эшелона на первой же станции, меня же почему-то довезли до конца нашего маршрута – города Армавира. Прямо с вокзала больных детей отправляли в изолятор, туда же попала и я, а после выздоровления была переведена в детдом станицы Новокубанской. Но, прожили мы там недолго. Вскоре поползли слухи, что фашистами занята вся западная часть Кубани, Краснодар и что вражеские части движутся в нашу сторону. Однажды, августовской ночью нас разбудила встревоженная директор детдома Мария Ивановна и сказала, что надо немедленно уходить - немцы близко. Мы тут же в спешке, как попало, оделись, быстро нагрузили продуктами подводу и пошли по направлению к Армавиру. Несколько дней с нами шли директор детдома Мария Ивановна и завхоз, которого, как мне помнится, звали Николаем Ивановичем, хотя по внешнему виду он был мало похож на русского».

«В моей памяти он остался черным пучеглазым, всегда злым, трусливым и очень неприятным человеком, - вспоминает еще одна жительница города Ленина - Лилия Матвеевна Лиметти. Мария Ивановна, видимо, была серьезно больна. А тут из-за нервного потрясения в дороге ей стало плохо, и вскоре она умерла. Не помню, где мы ее похоронили. Завхоз после этого совсем озверел, разговаривал с нами только криком, порывался бить, а однажды отозвал в сторону детей, что постарше, и сказал:

- Не хочу из-за вас рисковать головой. Идите куда хотите. Малышей довезу до первой станции, там кто-нибудь подберет их, не сдохнут.

Сказал так, сел на телегу и уехал. А мы, нас было человек 15 девчонок, лет по 10 - 12, остались одни. Начались наши скитания. Куда мы шли, никто не знал. Помню только, однажды мы оказались у реки Зеленчук, но местные жители предупредили, что немцы взорвали мост, и нам лучше возвращаться назад. Но назад

идти было некуда, и мы снова ходили по каким-то хуторам и станицам, просили еду, ночевали где придется. Чаще всего к концу дня, выбившись из сил, валились где-нибудь у дороги под кусты прямо на землю и засыпали. Ночью же, когда становилось холоднее, просыпались и, сбившись в кучку, прижавшись, друг к дружке, до самого утра дрожали от холода и страха. Вскоре, мы покрылись кровоточащей коростой, и теперь, когда просили у людей еду, некоторые, боясь заразиться, не разрешали подходить близко. Они оставляли еду за двором где-нибудь на траве, отходили и издалека наблюдали, как мы с жадностью ели. Глядя на нас женщины плакали. И все же некоторых девочек из нашей группы люди взяли в свои семьи. Правда, не знаю, как потом сложились их судьбы”.

“Во время скитаний по станицам на всю жизнь запомнился мне один жуткий случай, - пишет еще одна ленинградка Нина Николаевна Павлова. - Как-то вечером на краю какой-то станицы мы нашли заброшенный сарай и решили в нем переночевать. Но едва вошли внутрь, как с ужасом увидели там двух девочек примерно нашего возраста. Они лежали на грязной соломе в углу сарая и были без сознания. У одной из них была дизентерия, а у другой во всю щеку багровела огромная безобразная гниющая рана, как у прокаженных. Не успели мы решить, что делать с ними, как вдруг услышали недалеко хохот и немецкую речь, это шли к сараю два немца. В испуге мы забились в дальний угол, но оккупанты даже не обратили на нас внимания. Затыкая носы, они прошли к больным девочкам, сфотографировали их и смеясь, удалились. В ту ночь мы все же переночевали в этом же сарае, только через стенку от больных, а когда утром заглянули к ним, обе девочки были мертвы. Их потом похоронили местные жители”.

“Так мы дошли до станицы Подгорной, - продолжает Л. М. Лиметти. - Там попались на глаза полицаям, они отвели нас к старосте, а тот распорядился на ночь распределить нас по два человека к жителям станицы. За многие дни скитаний это был, пожалуй, первый вечер, когда мы хорошо поели, накормили нас люди, у которых мы ночевали. А утром снова собрав всех вместе, полицаи повели нас в станицу Спокойную, где была немецкая жандармерия. Там с нами разговаривал староста. Не помню, о чем шла речь, но мы остались жить в этой станице в полуразрушенном доме без окон и дверей. Мы опять ходили по дворам, просили хлеба и картошки. Люди, чем могли, делились с нами. Помню, что повариха, которая готовила немцам, в конце дня иногда приносила нам в ведре суп, видимо, то, что оставалось от трапезы оккупантов, но мы несказанно были рады и этому.

В Спокойной мы прожили до глубокой осени, а потом нас отправили в станицу Надежную. До войны там находился детдом, но он был эвакуирован, и нас поселили в одном из его зданий. Ухаживать за нами стала Раиса Ивановна Ряпенко (Рыбинская). Мы безмерно благодарны этой простой, сердечной русской женщине за все, что она сделала для нас, за то, что стала для нас матерью, за то, что спасла от голода и болезней. Многие из нас обязаны ей жизнью.

В первый же день она принялась лечить нас, ведь мы обросли коростой, были истощены, простужены, завшивели. Каждый день Раиса Ивановна заваривала в больших чугунах щелок, какие-то травы и мыла нас. Раздобыла у местного населения какие-то мази, ходила просить по домам одежду, белье, обувь, иногда приносила молоко. Постепенно мы стали поправляться. Но однажды, когда мы все собрались в столовой, к нам вошел какой-то человек и спросил, нет ли среди нас евреев. Для них, мол, организован специальный детдом, где очень хорошие условия. Мы все молчали. Вдруг одна из наших девочек с которой накануне поссорила Изида Вилькович, поворачивается к ней и говорит: “Изидка, чего же ты молчишь, признавайся”. Изида испуганно молчала. Она не знала, кто она по национальности, знала только, что ее родители приехали в Россию из Польши. Но пришедший человек внимательно смотрел на девочку, а через несколько дней, рано утром, когда все мы еще спали, а Раисы Ивановны почему-то не было, Изиду увели. Кто-то предположил, что ее расстреляли. И поэтому девочку, выдавшую ее, мы тогда поколотили, за что нас всех наказали.

Изиду Вилькович и в самом деле возили на расстрел, но ей чудом удалось избежать казни. Вот как она сама рассказывает о том, что произошло тогда с ней.

- Полицаи привели меня к какой-то группе людей. Там были взрослые, дети и старики. Потом пришла подвода. Эти люди погрузили на нее свои вещи, и всех нас под конвоем куда-то повели. Шли мы долго. Я была очень маленькой, худенькой, слабой, быстро устала и без конца отставала от группы. Тогда молодой парень, что правил лошадьми, посадил меня на бричку рядом с собой и больше уже никуда не отпускал от себя. В дороге он тихонько спросил мою фамилию и откуда я родом. Я рассказала. Когда мы приехали в какую-то станицу, где во дворе, огороженном высоким плетнем, было очень много людей, он взял меня за руку и повел, как будто бы к этим людям, но, увидев, что за нами никто не наблюдает, тихо шепнул мне в самое ухо: “Твоей фамилии нет в списках. Сиди и молчи, что бы здесь ни случилось”. Он втолкнул меня в какой-то сарай и крепко запер дверь.

Стены сарая были сплетены из прутьев, и сквозь них я видела, как вскоре пришло несколько огромных крытых машин с немецкими солдатами.

Людей фашисты сначала выстроили и проверили по спискам, а потом стали вталкивать в эти машины. Рядом с сараем, где я сидела, один мальчик вдруг заплакал и, бросившись на шею матери, закричал:

“Мамочка, я не хочу умирать!”. Тут только я поняла, что всех этих людей, в том числе и меня, собрали чтобы убить. Мне стало плохо и я потеряла сознание...

... Очнулась я на теплой печке в доме у какой-то женщины. Оказалось, что привез меня сюда все тот же парень. Я пробыла в этом доме несколько дней. Как-то приходили немцы, кого-то искали. Видели и меня, но хозяйка дома сказала, что я ее родственница, и что у меня тиф. Услышав это фашисты тут же ушли, а через несколько дней тот же молодой человек привез меня в детдом станицы Передовой. К сожалению, до сих пор я так и не знаю, кто был тот русский парень, что спас меня. Не запомнилось мне и имя женщины, у которой я выздоравливала. Нет слов, которые могли бы выразить мою благодарность этим людям за то, что, рискуя собой, они спасли жизнь чужого им ребенка.

Станица, в которую возили на расстрел Изиду Вилькович называется Удобная. Длинной неширокой лентой протянулась она вдоль подножия высокой покрытой лесом, горы по берегу небольшой, но бурной в половодье речки Уруп.

Во время войны здесь разместилось два ленинградских детдома № 40 и № 58. Может быть, в общих чертах жизнь этих детдомов и мало чем отличалась от всех других, однако, не боясь в чем-то повториться, мне кажется, стоит рассказать о каждом из них в отдельности, лишь потому, что, хоть они и находились по соседству, но по-разному сложилась обстановка внутри самих детдомов, каждый посвоему пережил смутное время оккупации. А главное воспитатели в том или ином случае находили свои способы, как уберечь детей от голода и болезней, как, порой рискуя собой, оградить их от звериной жестокости фашистов. Ведь станица Удобная в истории Кубанского предгорья печально знаменита тем, что в ее окрестностях фашисты устроили место массовой казни. Уничтожению подверглись в первую очередь евреи, коммунисты, советские и колхозные активисты, люди, уличенные в помощи или сочувствии партизанам. Не избежали этой участи и дети.

Боясь бомбежек, перед самой оккупацией власти станицы посоветовали увезти детей в отдаленные хутора.

Но немцы, придя в предгорье, издали приказ: всем, кто покинул Удобную, в 24 часа вернуться. Очевидцы рассказывают:

- Многие вернулись. В детдоме прибрали помещения, как до войны накрыли столы белыми простынями, поставили цветы. Пусть фашисты не думают, что мы нищие.

Немцы пришли, ногами открыли двери, молча все осмотрели... Нам было очень страшно, но мы старались и вида не подавать... Они так молча и ушли.

Начальник гарнизона велел собраться всем жителям станицы и объявил, что колхозы аннулированы, а вместо них будет община, что это лучше колхоза. Что же касается детдома, то он сказал, что в них собраны дети комиссаров и коммунистов, а о таких детях они не могут заботиться и хорошо кормить. Так что теперь для воспитателей главной задачей было спасти детей от голода. Теперь в пищу шло все: мелкая картошка, крапива, щавель, съедобные травы и корни, сушка. Варили мучную «затирку», пекли небольшие картофельные оладьи со щавелем. Иногда добавляли немного топленого сала или растительного масла. Воспитатели вместе с детьми ходили на бойню собирать обрезки и кровь забитых животных. Все это пережаривали и кормили детей. Но это мало помогало. Дети снова стали быстро худеть, слабеть и часто болеть.

Но вскоре по станице поползли страшные слухи, что немцы ходят по домам и переписывают семьи коммунистов и их родственников. Выясняют, есть ли в станице евреи.

Руководство детдомов пошло на огромный риск. В списках воспитанников стали менять еврейские имена и фамилии на русские, или по договоренности со станичниками, прятать евреев в домах станичников, а в детдомах менять детей этой национальности на детей из семей местных жителей.

Тех же людей кто попал в «черные» списки, стали сгонять в специальное место (огороженный колхозный двор). В отведенный день велели в указанное место всем прийти с вещами, взяв с собой трехдневный запас продуктов и отдельно чемодан с вещами. Собравшихся людей посадили в большие крытые брезентом машины и увезли.

Расстреляли их вечером...

В тот страшный октябрьский вечер в Удобной погибло около трехсот человек. Примерно треть из них были дети. Спаслись же удалось лишь единицам. Кроме малышки Розочки Маклер, которую заслонив собой, столкнула в яму

раньше автоматных очередей, какая-то старая женщина, в живых остались еще трое молодых людей.

В Отрадненском райархиве автору этих строк удалось найти документ, в котором один из них, Михаил Яковлевич Детиничер, так рассказывал об этом жутком событии государственной комиссии, расследовавшей преступления гитлеровцев на территории Удобненского района: “ Перед сумерками, в крытых машинах нас вывезли за станицу, в небольшой лесок на берегу Урупа. Еще до прихода фашистов там были вырыты длинные ямы для забуртовки на зиму картофеля. Среди нас было много детей. Некоторые женщины на руках держали грудных малышей.

У одной из ям немцы поставили нас в очередь и стали расстреливать группами. Детям же сначала давали выпить какой-то яд, но если малыш сразу не умирал, тогда его расстреливали вместе с родителями.

Командовал эсесовскими автоматчиками фашистский палач станицы Удобной комендант Фиштнер. Очередь двигалась быстро, но вдруг около места расстрела раздался громкий крик, произошла заминка. Фашисты на какое-то мгновение отвлеклись от очереди, и тогда я и двое молодых людей, брат и сестра Эпштейн, бросились в лес. Вслед нам раздалось короткое очереди, но никого не зацепило, а в погоню за нами, видимо, послать было некого: у немцев было мало охраны. Так нам и удалось спастись”.

Как свидетельствуют документы государственной комиссии, определявшей ущерб, причиненный фашистами на территории Удобненского района, только в самой станице Удобной гитлеровскими палачами было расстреляно и замучено за время оккупации более четырехсот пятидесяти советских граждан, среди которых более ста были дети.

Михаила Яковлевича Детиничера удалось найти. После того страшного вечера он и двое его спутников до конца оккупации скрывались у местных жителей. А когда Кубань и Ростов-на-Дону были освобождены. Детиничер отправил сестру и брата Эпштейн в Ростов к родственникам их матери, которые откликнулись на запрос. Сам же Михаил Яковлевич был призван в армию, но, не доехав до фронта, комиссован по состоянию здоровья. До 1965 года жил в станице Передовой, а затем переехал в Евпаторию, где работал на опытно-механическом заводе.

Обо всем этом рассказала в письме его жена, а в конце, будто извиняясь, объяснила: “Пишу это письмо я, а не Михаил Яковлевич. Он писать не может, он сидит рядом и плачет...”

Осенью 1942 года, количество детей в предгорных детдомах стало непрерывно увеличиваться. Сюда, в глубинные районы Краснодарского края, уходя от фронта, стекалось много беженцев, а с ними и осиротевших детей. Причем часто дети шли сами по себе без сопровождения взрослых.

Вот что рассказывает о встрече с одной из групп таких беспризорных детей бывшая воспитательница Надеженского детдома № 26, одна из старейших работниц детских учреждений Отрадненского района Нина Семеновна Долгополова (Шматько), которая и сейчас живет в станице Надежной, где ее стараниями открыт музей, посвященный воспитанникам ленинградских детдомов.

“Мой отец, Семен Иванович Шматько, работавший до войны председателем колхоза в станице Бесстрашной, перед самым приходом немцев ушел в партизанский отряд, а мы с мамой переехали в станицу Подгорную.

Одна из первых стоянок партизанского отряда была в глухом лесу между хуторами Озерный и Щелканка. Я знала об этом и иногда, собравшись будто бы за шиповником или калиной, по разрешению командира отряда ходила к отцу, а партизанам рассказывала о том, что творится в нашей станице, какие слухи ходят о событиях в других населенных пунктах района.

Однажды мы пошли в лес с моим братом Мишей и еще одним мальчиком, Колей Ольчиком, у которого отец тоже был в партизанском отряде.

Мы уже возвращались домой, когда недалеко от хутора Щелканка услышали стрельбу и увидели, как по горе несколько всадников гонятся за одним. Мы незаметно пробрались в хутор и забежали в одну из больших хат. Это был местный клуб. В нем-то мы и увидели грязных, оборванных, больных детей, человек 40—50. Некоторые из них еще ходили, но большинство уже не могли даже вставать и лежали или сидели на полу, на соломе. Спрашиваю: “Откуда вы?” — “Из Ленинграда”, — отвечают. “А где же взрослые?” — “Не знаем. Мы одни”.

Вместе с этими ребятами мы наблюдали, как всадники с белыми повязками убили лошадь под тем человеком, которого преследовали. Видимо, они ранили и его самого, потому что он не мог бежать от них. Жандармы облили его чем-то и подожгли.

Позже мы узнали, что так погиб один из партизанских разведчиков

Партизанский отряд вскоре ушел в горы, к перевалам, мы больше не ходили в лес, и я не знала, что стало с ленинградскими детьми, которых мы встретили в Щелканке. Отец мой погиб и после разгрома немцев на Кавказе был похоронен

в братской могиле на площади в станице Спокойной. Я же по путевке комсомола была направлена пионервожатой на работу в Надеженский детский дом № 26. Когда я пришла туда, в первый же день ко мне подошли несколько воспитанников и сказали, что они видели меня в Щелканке, когда я со своими товарищами скрывалась в клубе от жандармов. Мне до сих пор неизвестно, кто перевез тогда детей с далекого глухого хутора в наш детдом. Нам вместе пришлось много перетерпеть: и голодали, и мерзли, и болели. И все ждали скорей бы пришла весна скорей бы хоть немного тепла. Хоть от одной бы проблемы избавились.

А это было еще зимой, как помнится в конце января. Стали до нас доходить слухи, что немцев уже сбросили с горных перевалов и что готовится большое наступление Красной армии. С нетерпением все мы ждали этого события.

Но получилось так, что самой страшной была для нас последняя ночь перед уходом немцев из станицы. Впрочем, мы то не знали, что она последняя. Вечером в детдоме собралось много немецких солдат, они согнали нас всех в одну маленькую комнату и заперли. Сами же заняли все остальные помещения. Я думала, что это конец, что они либо отравят нас газом, либо расстреляют, либо взорвут вместе с нами здание детдома. От страха никто не спал, малыши боялись даже плакать. Это была ужасная, бесконечно долгая, мучительная ночь!

Но страх еще более усилился, когда мы услышали и увидели в окно, как фашисты, словно паленые мыши, стали осторожно выползать из здания и куда-то исчезать. Наконец, все затихло. Каждую секунду я ждала взрыва. Это было невыносимо. Но вот забрезжил рассвет. В здании стояла зловещая тишина. Я несколько раз стукнула в дверь, но никто не отозвался. Думаю, или немцы почему-то не реагируют на наши действия, или все до одного ушли. А потом решила:

“Эх, все равно помирать, была не была” и стала вышибать дверь. Наконец мне удалось открыть ее. Стоим, смотрим в проем двери, а выходить боимся — вдруг там мина или фашист с автоматом притаился. Но тут слышим на улице какой-то шорох, кто-то громко сказал: "Наши..." Тут уж, забыв о страхе, все мы ринулись к выходу, выскочили на крыльцо, во двор...

О! Эту радость не описать! Мы навзрыд плакали от счастья. Мы поняли, что спасены, что у нас впереди жизнь...

Надеженцы, конечно не знали, что в то же ранее утро немцы спешно уходили не только из их станицы, но и из соседней станицы Малотенгинской, где на рассвете

был намечен расстрел местных жителей семьями. Никто даже и предположить не мог, что лишь счастливый случай поможет спасти их жизни.

Вот что рассказал житель станицы Малотенгинской Владимир Алексеевич Гречухин:

- Те пол года, которые мы были под фашистской оккупацией, показались нам вечностью. В середине января 1942 года по станице поползли слухи, что в станице, негодяи, которые пошли в услужение к оккупантам, составляют какие-то списки, позже мы с ужасом узнали, что все кто попал в них, а это семьи коммунистов, советских работников, партизан, эвакуированных в эти места евреев и цыган будут расстреляны. Причем, вместе с детьми.

Правда, как потом выяснилось, партизаны в станице оставили своих людей, которые были на связи с ними и постоянно сообщали им о положении дел. Таким, оказывается, был и наш станичный староста. Узнав о готовящемся расстреле, он многим тайно шепнул, чтобы уходили из станицы куда –нибудь подальше на хутора или прятались, кто где сможет. Станичники принялись прятать детей в старые погреба накладывая сверху кучу прелого навоза, на чердаках в полуразрушенных хатах, где никто давно уже не жил и на которые никто не обращал внимания. Тайно уводили куда-нибудь на хутора к родственникам.

Мы, например, прятались за станицей, в старом глинище, выкопав себе яму в густых зарослях крапивы. Взрослые о грозящей нам смертельной опасности, конечно же, не говорили, но мы чувствовали, что надвигается какая-то беда.

Накануне в станицу, на подводах, на велосипедах, а кто пешком прибыла целая колонна гитлеровцев, человек сто. Вид у них, правда, был, как у побитых собак. Видно, где-то их изрядно потрепали. Но, среди этих вояк были и гестаповцы, которые, как мы потом узнали, и должны были на следующий день расстрелять неблагонадежную часть населения.

Ночевали немцы на въезде в станицу в большой конюшне на колхозном дворе, куда еще осенью была завезена солома на подстилку лошадям. Та январская ночь была очень тревожной. Мало кто заснул тогда. Наступило морозное утро. В пушистом инее стояли деревья и даже сухая трава вдоль дорог. В станице была такая тишина, словно в ней все вымерло. И вдруг, когда забрезжил рассвет, кто жил вдоль главной улицы, услышали быстро приближающийся, топот нескольких лошадей. По мерзлой дороге, звук подков разносился далеко. Люди стали осторожно выглядывать в окна - кто это едет в такое время. Неужели эсесовцев уже послали людей арестовывать. И вдруг, о чудо! По центральной улице Малотегинки, буквально мимо той конюшни, где ночевали фашисты, ска-

кали три казака в бурках и кубанках с красным верхом, а на ветру, словно знамена развевались красные башлыки.

Все, кто видел это, оцепенели от страха, что сейчас начнется бой. Однако, казаки спокойно проехали через всю станицу до конца улицы. Там с минуту поговорили с вышедшими к ним мужиками, затем выехали на вершину горы, постояли, оглядывая окрестности. И так же спокойно по горе ускакали назад.

Через несколько минут из конюшни стали осторожно выглядывать немцы, потом оттуда послышалась какие-то выкрики, наверно команды, началась суета. Ворота конюшни распахнулись и немцы, отряхивая с себя солому, поправляя оружие, тут же собрались в нестройную колонну и двинулись в сторону станицы Надежной, откуда можно было быстрее добраться до Спокойной, а оттуда идти на Лабинск.

Уходить на Армавир они, наверно, уже опасались. Со Ставрополя вдоль железной дороги наши наступающие части двигались быстро. Даже к нам в станицу еще с вечера со стороны Зеленчука отчетливо слышалась артиллерийская канонада. Немцы, конечно же, тоже слышали ее. Казаки же, видно, еще больше нагнали на них страху. Они, конечно, поняли, что это были разведчики, а значит, скоро здесь появятся и регулярные части. Так что, им надо было уходить из этих мест немедленно. Что они и сделали.

Что тут началось! Жители станицы, не обращая внимания на не вышедшую еще из станицы вражескую колонну оккупантов, стали выходить на улицу и, глядя на немцев, о чем-то перешептываться. Гитлеровцы, видя волнение собирающихся в группы людей, боясь видно, осложнений с населением, а может и появления здесь партизан, лишь прибавили шагу.

А ведь вооружены они были, что называется, до зубов.

Я был свидетелем всего этого. Полагаю, что трое казаков – храбрецов, один из них, кстати, жил когда-то в нашей станице. Вот фамилию его не могу вспомнить. Казаки, конечно, знали, что в станице есть немцы и, даже, где они находятся. Возможно, они специально проехали мимо вражеских солдат, давая им понять, что скоро им придется здесь несладко. Тот смелый проезд по станице казаков с развивающимися красными, башлыками спас наши жизни. Фашистам теперь было не до расстрела, им самим надо было быстрее уносить ноги, чтобы не попасть под казачьи сабли и пули.

А на следующий день мы узнали, что наши войска освободили Удобную и Отрадную. Что в станице Спокойной наши разведчики перехитрив местных по-

лицаев, собрав их в местном клубе, якобы на совещание, разоружили и всех разом, арестовали.

х х х

Как-то по делам я приехал в Краснодар в «Периодику Кубани» зашел в бухгалтерию и вдруг там одна из сотрудниц Алла Викторовна Макаренко передает мне ксерокопию статьи «Я УМИРАЛ ПЯТЬ РАЗ» Ее автор Михаил Булгаков на полях от руки написал, что просит эту статью передать мне. Вот ее текст:

« Я Михаил Герсонович Бугаков, родился 27 декабря 1935 года в Ленинграде и жил с бабушкой, мамой и братом в квартире 24 дома 9-а по Мытнинской улице. Здесь 8 сентября 1941 года и настигла нас блокада. А спустя пять с половиной месяцев остался один.

Бабушка Хана Залмановна Гладштейн умерла в Ленинграде в 65 лет 20. 02. 1942 г.

Мама Рахиль Менделеевна Бугакова умерла в Ленинграде в возрасте 37 лет 20. 02 1942 г.

Брат Борис Герсонович Бугаков умер в Ленинграде в возрасте 2.5 года 20. 02. 42 г.

Я в тот день тоже умирал, но случайно к нам зашла соседка. Она думала, что все уже мертвые. Видит четыре трупа, я же в это время ещё подавал признаки жизни – зашевелился. Она меня, полуживого подхватила на руки и отнесла в детский дом. Там меня оживили, а 7 апреля 1942 года эвакуировали из блокадного Ленинграда по льду Ладожского озера. Кстати, если зимой она была «Дорогой жизни», но весной становилась дорогой смерти. Наша автоколонна с детьми на тонком льду провалилась и почти вся ушла под лед. Чьи - то руки успели выхватить меня и еще с десятков ребятешек из ледяной купели и мы смогли вернуться к жизни.

Оставшихся в живых детей погрузили в эшелон и отправили в Краснодарский край. Но вместе с машинами в той утонувшей автоколонне были утрачены и все продукты. На юг нас везли очень долго. Сопровождающие нас люди, конечно старались чем могли подкармливать, но мы были настолько истощены, что когда прибыли на Кубань, многие умерли от вторичного истощения.

Путь наш закончился в станице Передовой (в те годы Удобненского) района Краснодарского края.

Поместили нас в местный детский дом. Фашистов там сначала не было. И мы все лето жили спокойно, даже начали поправляться. Но 13 августа 1942 года

война пришла и сюда. Вместе с немецкими войсками, появилась и зондеркоманда СС, начались облавы. Было схвачено 453 человека, в том числе и я. Так шестилетний ребенок узнал, что он – еврей.

Нас пригнали в соседнюю станицу Удобную, поставили над силосными ямами. Взрослых расстреливали из пулеметов, детям же (нас было, наверно, больше ста человек) прежде мазали губы каким-то сильным ядом, и они через несколько минут падали замертво. Каким – то чудом я избежал смерти и в четвертый раз. Фашист, видимо торопился, мазнул меня по лицу, но получилось не по губам, а как-то сбоку - по шее и взрослые, которые стояли рядом, увидев это, толкнули меня в яму. Их тут же стали расстреливать и получилось так, что они прикрыли меня своими телами. Люди были тяжелые, сил у меня не хватало, чтобы даже пошевелиться и я едва не задохнулся. Траншею забрасывать землей сразу не стали и когда уже совсем стемнело, а вокруг не было слышно никаких звуков, я стал пытаться вылезти из под трупов. Не знаю уж сколько времени прошло, но цепляясь за одежду людей, мне все же удалось вылезти наверх. Я совсем потерял силы и потом еще долго лежал, чтобы отдышаться. Вдруг мне пришла страшная мысль, что немцы вновь могут придти сюда с очередной группой людей, увидят меня и тогда уж мне смерти не избежать. Я осторожно вылез из траншеи, огляделся и по бурьяну пополз к небольшому леску, который рос неподалеку. Я определил, с какой стороны нас привезли и лесом пошел назад в сторону Передовой.

По пути от голода, потери сил и пережитого страшного стресса я несколько раз терял сознание и падал, но когда вновь приходил в себя, поднимался и шел дальше. Так почти под утро я добрался до детского дома и постучался в дверь одного из корпусов. Мне открыла воспитательница. Увидев меня она испугавшись, ойкнула, заплакала и стала быстро открывать двери какой-то комнаты. Видимо, это была кладовка, поскольку до потолка была забита топчанами.

Воспитательница приказала мне залезть в самый дальний угол и сидеть там тихо, что бы вокруг ни происходило. По ночам она выпускала меня на несколько минут на улицу оправиться, давала поесть, а потом вновь запирала на ключ. Каждую минуту меня и ее подстерегала смерть. Ведь, если бы фашисты снова устроили бы облаву, расстрела нам было бы не избежать. Так я и прожил в этой кладовке 4 месяца.

В январе 1943 года Красная армия освободила Удобненский район. Выпустили из кладовки и меня, но когда мне сказали, что я теперь могу спокойно гу-

лять и никого не надо бояться, со мной произошло невероятное, видимо детская психика не выдержала такого напряжения, со мной случился шок и я онемел.

Когда кончилась война, я еще десять лет скитался по детским домам и семь из них не говорил. Меня переводили в Кушевский детдом, в Новокубанский, в Казанский спецдетдом.

Сейчас я инвалид второй группы. Живу в городе Волжском, Волгоградской области. Здесь же живет одна из женщин родом из станицы Удобной и когда она едет на родину, я всегда прошу ее сходить к месту расстрела и положить на братскую могилу живые цветы. Я знаю, что это место, где теперь стоит памятник, посещают люди из близлежащих станиц, приезжают родственники погибших. Мне известно, что там было совершено еврейское богослужение.

Господи, спаси и сохрани всех ныне живущих от такой беды, которую когда – то пришлось перенести нашему поколению!

х х х

Как, возможно, помнят люди старшего поколения, прорыв гитлеровских армий на Кубань был неожиданно стремительным, не все люди успели эвакуироваться и потому, сорванные из родных мест, они шли и шли на восток уже по фашистскому следу, оседая в самых отдаленных от центра станицах, глухих предгорных хуторах и аулах. И потому наплыв беженцев сюда, в станицы Отраденского, Удобненского и Спокойненского районов, продолжался, можно сказать, весь период оккупации. Из разных мест Молдавии, Украины, Крыма, Ростовской области и Кубани приходили сюда и дети, потерявшие своих родителей при артоналазах или бомбежках. Многие были свидетелями расстрела фашистами их родных и близких. Такова же была судьба и местных ребятишек, чьи родители погибли от рук оккупантов.

Вот воспоминания дочери военкома станицы Удобной Таисии Михайловны Беляковой (Кулаковой). Ее отец Михаил Александрович Беляков вместе с патриотами Удобной ушел в лес, став одним из руководителей партизанского отряда. Но случилось так, что в одну из попыток проникнуть в станицу, он и секретарь Удобненского райкома партии Георгий Феоктистович Карандашов были схвачены знавшими их местными полицаями.

“Их обоих и мою маму (она в то время была беременна) немцы расстреляли на берегу реки Уруп, — рассказывает Таисия Михайловна. — А похоронили мы их на станичном кладбище. Сколько бродила я потом по людям, не знаю, но вот однажды попала в детдом. Приняли меня хорошо, но там был свой закон: стричь

всех наголо. Это было не по мне. Я убежала оттуда, пришла на кладбище пожаловаться родителям, что хотят подстричь меня и проплакала там до позднего вечера. А когда поднялась уходить, то увидела человека, вылезавшего из могилы, — он раздевал покойника. Я очень испугалась и потеряла сознание. Рано утром меня нашла женщина, которая жила рядом с кладбищем и пошла накосить травы для своей коровы. Как я ее просила, чтобы она не говорила в детдоме, что я у нее! Но она не могла этого сделать. За ночь, лежа на голой земле, я сильно простыла. У меня были нарывы в горле, я часто теряла сознание... и осталась я в детском доме со стриженной головой, в белой косынке.

Много было у меня капризов. Я всем говорила, что умру голодной смертью, отказывалась от еды. Сколько я причинила хлопот нашим дорогим, никогда не забываемым воспитательницам — Зинаиде Алексеевне и Анастасии Семеновне! Но все же потом я подружилась с детьми и зажила общей детдомовской жизнью...”.

Как уже говорилось выше, в Удобной был еще один ленинградский детский дом № 40, который, впрочем, как и № 58, просуществовал недолго, до лета 1943 года. Затем эти детдома были расформированы, у немногих воспитанников нашлись родители. Те, кто успел за этот год подрасти, поехали учиться рабочим профессиям, остальные же были переведены в детдом соседней станицы Передовой.

Автору этих строк удалось найти некоторых воспитанников бывшего ленинградского детдома № 40. Приведу воспоминания лишь двух из них — ленинградки Эммы Исааковны Гринберг и жителя города Великий Устюг Владимира Васильевича Тесаловского. Оба они были в этом детдоме со своими младшими братьями: Эмма — с Мишей, а Владимир — с Сергеем.

После войны брат и сестра Гринберг вернулись в Ленинград, где у них оказались отец и дядя. Оба получили высшее образование, Эмма Исааковна работала в одном из ленинградских НИИ, а ее брат Михаил строил ледоколы.

Примерно так же сложилась судьба и братьев Тесаловских. В Великом Устюге у них было много родственников родителей. Оба брата выучились, служили в армии, хорошо работали.

Вот что вспоминают воспитанники бывшего Удобненского детдома № 40 о своем детстве, о жизни в станице Удобной во время оккупации.

Э. И.Гринберг:

“Мои первые впечатления о приезде на Кубань связаны с одним трогательным эпизодом, вспоминая о котором, я теперь всегда плачу. Из Армавира в Удобную нас везли на автобусе, в котором взрослых почему-то не было, и я среди малышей оказалась старшей. У нас были теплые пальто, а на улице стояла жара, но самое главное — мы все страшно хотели есть. Малыши расплакались, просили, чтобы я дала им чего-нибудь покушать. Я же ходила по автобусу и лишь успокаивала их, обещая, что скоро мы приедем и нас всех положат в мягкие белые постельки. Но малыши не слушали меня, без конца повторяя одно и то же: “Дай покушать”. Я совсем растерялась, но вдруг, где-то на краю станции Удобной, автобус остановился, и в него вошла женщина с большим караваем белого домашнего хлеба и бидончиком меда. Поздоровавшись, она вдруг стала всем нам давать по ломтю этого душистого мягкого вкусного хлеба с медом. Не могу передать, какая радость была на лицах наших ребятишек.

Привезли нас в центр станции к зданию школы, которая окнами выходила на площадь. Школа была пустой, и детей пришлось сначала положить на парты. Но с нашим приездом к школе пришло много людей, и мужчины сразу же стали делать для нас топчаны”.

В. В.Тесаловский:

“Население Удобной встретило нас очень гостеприимно. Некоторые сердобольные казачки сразу же захотели усыновить или удочерить кого-нибудь из малышей. Хотели усыновить и моего брата, но я воспротивился этому, и нас оставили в детдоме вместе”.

Да, в те дни семьи некоторых удобненских жителей увеличились на одного маленького человека. Но многие из них были настолько больны и беспомощны, что прежде пришлось долго и терпеливо выхаживать их, уделяя им порой больше сил и времени, чем своим детям. И эти приемные малыши навсегда остались для них такими же близкими, желанными и любимыми, как и родные сыновья, дочери, внуки.

“Вспоминая иногда о том, что пришлось нам пережить в годы войны, — говорила бывшая жительница Удобной Анастасия Александровна Фильчикова (Зайцева), — кажется, что ничего такого не было и быть не могло, что это какой-то дурной страшный сон, который запомнился на всю жизнь.

Отчетливо помню, как привезли в Удобную ленинградских детей. Мы тогда еще не видели войны, оккупантов, но, посмотрев на детей, поняли, какая страшная беда постигла нашу Родину.

Я пришла в детдом, когда ребятишек вывели на улицу погулять. Жуткая это была картина. На меня смотрели малолетние старики-дети трех-четырёх лет с тоскливыми, серьезными глазами. Те, кто мог ходить, двигались еле-еле, остальных, обессиленных, детей воспитатели усадили в тени на кучу соломы.

Мое внимание почему-то сразу привлек один ребенок, который пристально смотрел на меня. Я подошла к нему, присела рядом.

— Где твой папа? — спрашиваю.

— Погиб на фронте, а мама умерла, — сказал мальчуган, и его маленькие печальные глазенки наполнились слезами. Не выдержала и я, разрыдалась, но потом кое-как все же взяла себя в руки:

— Как тебя звать?

— Вова.

— Пойдешь ко мне жить?

— А обед у вас будет?

— Будет.

Глазенки у мальчика сразу заблестели, он хотел подняться, но был настолько слаб, что не смог встать даже на колени.

Я тут же пошла к директору детдома и заявила, что хочу взять Вову на воспитание. Однако директор стал отговаривать меня, мотивируя это тем, что мальчик слаб и что у него нет запасной одежды. Однако я уже решила взять только этого ребенка и сразу пошла за разрешением в райисполком. А когда снова пришла в детдом, мальчик сразу узнал меня, обрадовался, тянется ко мне и шепчет: “За мной пришли. Возьми меня с собой, тетя”.

Я сразу же сообщила на фронт мужу, что взяла на воспитание эвакуированного из Ленинграда мальчика. Муж одобрил мое решение. Вот так и появился в нашей семье сын Владимир Николаевич Аверочкин. Много потом сил и здоровья было положено, чтобы мальчик выжил. В 1952 году он с отличием окончил семилетку и поступил в Ленинградский электротехнический техникум, затем работал преподавателем и одновременно учился в Северо-Западном заочном политехническом институте. Владимир Николаевич Аверочкин работал в одном из КБ Москвы.

Но вернемся к событиям 1942 года.

Э. И. Гринберг:

“Моя мама работала в нашем же детдоме воспитательницей младшей группы. Моему брату Мише было тогда всего два года. По приезде в Удобную маму с дистрофией положили в местную больницу. Помню, что в нашем детдоме работали еще воспитателями Татьяна Максимовна и Людмила Алексеевна (к последней я еще в 1936 году ходила в группу в детсаде, который находился в Ленинграде на Кирилловской улице, дом № 12 или 14), еще у нас в детдоме были воспитатели Роза Григорьевна и старая еврейка Блюма Петровна. Была в нашем детдоме и еще одна сотрудница, я, к сожалению, не помню ее имя, но знаю, что до войны она читала по Ленинградскому радио “Сказки бабушки Арины” (была в Ленинграде такая передача).

Как отступали наши войска, мы не видели, возможно, они прошли ночью, но однажды днем мы увидели на улицах Удобной мотоциклистов. Это в станицу пришли оккупанты”.

В. В. Тесаловский:

“Помнится, как немцы ломались к Кавказским горам. Все на технике, самая малая — велосипед. Даже своих битюгов с обрезанными хвостами они везли к перевалам на грузовиках”.

Э. И. Гринберг:

“В первый же день или на следующий они взорвали в сквере два больших памятника, Ленину и Сталину, которые стояли перед зданием клуба. Все это мы видели из окон нашего детдома”.

В. В. Тесаловский:

“Да, это так. Говорили даже, что одному фашисту, замешкавшемуся перед взрывом, увесистый кусок камня от памятника разбил голову”.

Э. И. Гринберг:

“В эти первые дни к нам в детдом пришла группа детей лет по 14-15, они были из ленинградского детдома, который был эвакуирован с Выборгской стороны. От Армавира они шли пешком, где-то попали под вражеский налет, разбежались, и вот часть из них пришла к нам. Не знаю, почему, но в первые же дни наш детдом переехал в другое здание, подальше от центра станицы. Мама не доверяла нашему директору, и нас с Мишей на несколько дней перевели в другой детдом, но потом почему-то вернули назад. Наша мама с Розой Григорьевной жили в одной из двух прихожих здания. Однажды поздно вечером к нам постучали немцы. Их впустили в детдом с одного входа, а мама с Розой Григорьевной вышли через другой.

Потом я узнала: они должны были явиться на какой-то сборный пункт. Еще раз я видела маму 11 октября (запомнила это потому, что у одной из наших девочек был день рождения). Мама подошла к детдому, вызвала меня, мы постояли с ней, поговорили. Помню, что под накинутым на плечи шерстяным платком я увидела у нее на рукаве желтую звезду. Разве я могла знать тогда, что вижу маму в последний раз”.

В. В.Тесаловский:

“Когда в станице остался один оккупационный гарнизон, в детдом пришли фашисты, всех нас выстроили во дворе и из общего числа отобрали отдельную группу, в которую попали и взрослые из обслуживающего персонала. Эту группу тут же увели, и потом мы узнали, что их расстреляли.

Осенью 1942 года я в числе тех, кому исполнилось 8 лет, пошел в первый класс. Учителем у нас был какой-то старичок, видимо, из бывших местных священников. Потому, что наряду с азбукой и арифметикой он обучал нас Закону Божьему, а головы нерадивых учеников очень ловко доставал длинной линейкой.

Иногда даже сюда, в Удобную, было слышно, как где-то далеко в горах грохотали орудия. Слышны были выстрелы и в ближнем лесу. Говорили, что это партизаны”.

Э. И. Гринберг:

“Меня на улицу не выпускали, даже не разрешали ходить в школу. Делалось это, видимо, для того, чтобы я меньше попадалась на глаза чужим людям. Потом Миша заболел желтухой, его положили в больницу, а вместе с ним и меня, чтобы я ухаживала за ним. Медперсонал хорошо знал мою маму, поэтому с большим вниманием относился и к нам”.

В. В.Тесаловский:

“Примерно с середины января грохот со стороны гор стал все больше усиливаться и как будто приближаться к станице. А вскоре в Удобной появились остатки отступающих немецких войск, удирающих с перевалов. Драпали они, кто как мог и кто на чем мог. Ехали даже на запряженных коровах.

А следом за ними, как мне кажется, на следующее утро пришли наши. С уходом немцев исчезла из детдома и наша директор.

Э.И. Гринберг:

“Освободили нас 21 или 22 января 1943 года. Утром, узнав, что немцы ушли из станицы и что в Удобную входят наши части, воспитатели взяли несколько

воспитанников из старших ребят, а среди них и меня, и повели встречать освободителей. На улицы высыпало много обрадованных жителей.

Навстречу нам шли усталые солдаты. Это были, как мне помнится, части, состоящие из бойцов каких-то кавказских народностей, потому что между собой многие из них говорили не по-русски.

Наш новый директор позвала меня в кабинет и сказала, что на нас с братом получен запрос от отца и что она сообщила ему о том, что мы живы, а мама расстреляна. Услышав об этом, я так расплакалась, что со мной была истерика и воспитатели еле меня успокоили”.

С приходом наших войск, на станичной площади состоялся многолюдный митинг. Но великая радость людей, получивших наконец свободу, была омрачена напоминанием о погибших. Тут же, на митинге, многие удобненцы с ужасом узнали, что и сами они были на волоске от смерти: у фашистов уже были составлены списки для новых массовых расстрелов. В них рядом с фамилиями взрослых людей, стояли и фамилии детей, в том числе и воспитанников детдомов. Казнь готовилась на 25 января 1943 года...

x x x

Если из Удобной ехать в сторону гор, то через несколько километров на правом берегу бурливого Урупа появится взбегающая улицами на крутой холм станица Передовая. Здесь в годы войны тоже было два детдома, но один из них просуществовал недолго и вскоре после оккупации был расформирован. Второй же, состоящий почти целиком из ленинградских детей, и после войны реэвакуирован не был, поскольку здесь, на юге, в сельской местности, детям были созданы все необходимые условия для жизни и учебы и, прежде всего, организовано хорошее калорийное питание.

Директором этого детдома была Юлия Ивановна Белоруссова, человек безгранично преданный детям, заслуживающий того, чтобы рассказать о ней несколько подробнее.

Сама оставшись в детстве сиротой, она воспитывалась в чужой семье, но люди, взявшие на себя заботу о ней, смогли дать приемной дочери хорошее образование: еще до революции она окончила высшие педагогические курсы, затем работала в городах Задонске и Вятке, а с 1924 года жила и работала в Ленинграде.

К началу Великой Отечественной войны Юлия Ивановна стала одним из опытнейших педагогов города, работала в гороно, была депутатом.

Некоторые подробности ее биографии мне рассказала учитель истории Отрадненской средней школы № 16 Надежда Васильевна Босенко, а она узнала их от самой Юлии Ивановны Белоруссовой.

«Мне приходилось с ней встречаться в 1955-1958 годах, когда я работала в Удобненском райкоме комсомола зав. отделом по работе среди молодёжи.

По долгу службы часто бывала в Передовском детском доме и благодарна судьбе, что она свела меня с этим высокообразованным, замечательным человеком. Юлия Ивановна была для нас примером гражданской совести, стойкости и даже героизма. По ней можно было судить о людях, защищавших блокадный Ленинград, работавших там.

Жила она в небольшом домике, который стоял в центре территории детского дома. Ее маленькая комната днем была кабинетом, а ночью спальней. Мне доводилось часто ночевать у неё. Долгие вечера мы коротали за чашкой чая, и она рассказывала мне о музеях, театрах, памятниках северной столицы. Так я узнала от нее и некоторые факты из личной жизни Юлии Ивановны.

Родители её были обедневшими дворянами, они умерли, когда ей было 15 лет. Ответственность за ее дальнейшую жизнь взяла на себя семья тёти. Она же и рекомендовала ей в женихи врача военно-морского флота Белоруссова. Позже он стал преподавателем военно-медицинской академии.

В 1921 году у них родилась дочь Таня. Будучи уже замужем, Юлия Ивановна закончила высшие педагогические курсы. В 1940 году ее муж тяжело заболел, но ей об этом ничего не говорил, пока в начале 1941 года его ни положили в госпиталь. Юлия Ивановна каждый день навещала его. В последние дни жизни он сказал жене, что свою болезнь подробно описал в дневнике, а тело завещал лаборатории медицинской академии. Таким образом, он решил служить науке и после смерти.

21 июня 1941 года дочь Таня получила диплом геолога и направление на работу в Читу. В августе она должна была прибыть к месту работы, и Юлия Ивановна решила ехать вместе с дочерью. Но 22 июня началась война, и Таня вместе со своими товарищами уже днем была в военкомате - просила направить ее на фронт, там ей в этом было отказано, и Таня стала бойцом отряда самообороны. Вместе с такими же юношами и девушками, она дежурила на крышах домов, сбрасывая оттуда зажигательные бомбы. Там ребята часто попадали и под град

разрывных бомб, пулеметных очередей с самолетов врага. В один из таких январских дней 1942 года, попав под бомбежку, Таня погибла. Юлия Ивановна была убита этим горем и сутки не могла прийти в себя. Но делать нечего, надо было похоронить дочь. Ее подруги вместе с Юлией Ивановной, завернув тело Тани в одеяло, привезли его к месту захоронения, хотели найти гроб. Но в это время снова началась бомбёжка. Военные приказали всем уйти в бомбоубежище. А когда налет закончился, и люди вышли наружу, в том месте, где лежали тела умерших, зияла громадная воронка. Не нашла свою дочь и Юлия Ивановна.

Чтобы хоть как-то заглушить горе, Юлия Ивановна целиком уходит в работу. Как раз в это время Смольненский райком ВКП(б) Ленинграда поручает ей возглавить первый в городе спецдетдом, который располагался в одном из зданий в Дегтярном переулке.

В те месяцы блокады от голода и холода ежедневно умирали тысячи ленинградцев. Каждый день группа комсомольцев, созданная Смольненским горкомом комсомола, обходила участок, закреплённый за спецдетдомом и собирала детей. В этих рейдах всегда участвовала и Юлия Ивановна.

Многие воспитанники этого детдома в тяжкие месяцы блокады были найдены самой Юлией Ивановной и ее сослуживцами среди обломков рухнувших зданий, в холодных пустых квартирах рядом с умершими родителями или подобраны ранеными, обмороженными, обессилевшими от голода на улицах, в подъездах и подвалах разрушенных домов. Большинство таких детей приходилось потом, в буквальном смысле слова, снова возвращать к жизни.

Однажды с девушкой из отряда самообороны они зашли в квартиру и увидели на полу три трупа, двое взрослых, а между ними ребенок, но когда его подняли, он запищал. Живой!!! Юлия Ивановна расстегнула свое пальто, прижала к себе мальчика и так, согревая его своим телом, принесла в детдом. Чего стоило потом выходить его! Ведь трудно было определить даже его возраст: он не ходил, не говорил. В детдоме дали ему имя и фамилию (к сожалению, я забыла её). Только летом 1942 года уже в Передовой когда мальчику было уже четыре года начал ходить, заговорил. .

Весной 1942 года, когда детдом решили эвакуировать из Ленинграда, перед отъездом Юлия Ивановна пошла в свою квартиру и взяла на память о дочери только ее туфли и белое платье, в котором Таня ходила на выпускной бал в институт и решила больше никогда не возвращаться в город на Неве.

Путь на юг для эшелона, в котором эвакуировался Первый ленинградский спецдетдом, сложился, можно сказать, удачно: бомбили мало, и никто из воспитанников при этом не пострадал, не был снят с поезда по болезни, не отстал. Все благополучно добрались до станицы Передовой. Здесь, в долине реки Уруп, окаймленной со всех сторон невысокими лесистыми горами, тишина, чистый, напоенный запахами трав воздух, плодородные земли — что ни посади, дает хороший урожай.

Детей расположили в старых зданиях бывшего колхозного двора, организовали хорошее питание, лечение, уход. Малыши стали быстро поправляться, окрепли, загорели, повеселели. Интересен такой факт. Рассказывают, что в первые же дни после приезда детдома в Передовую Белоруссова попросила местных жителей принести ей семян цветов. Вместе с воспитателями дети вскопали грядки в детдомовском дворе. И уже через несколько недель он буквально утопал в цветах. Видимо, так Юлия Ивановна хотела побыстрее вернуть детям интерес к жизни, радость детства.

Однако не успело еще на цветочных грядках завязаться семя, как и сюда, в предгорья Кубани, пришла война. Но раньше оккупантов долетели до станицы слухи, что фашисты не щадят никого, даже детей, если узнают, что они из семей коммунистов, советских работников или красных командиров. Что особенно жестоко расправляются они с евреями, а среди воспитанников Белоруссовой были дети и этой национальности. Да и самой Юлии Ивановне люди советовали раздать детей местным жителям и уходить с отступающими войсками, потому что, если фашисты узнают, что она была депутатом райсовета, расстреляют немедленно. Однако Белоруссова стояла на своем: «Детей не брошу, да и сама никуда не пойду. Пока буду жива, ни одного ребенка фашистам не отдам».

В первые же дни после появления оккупантов в станице в детдом пришли два немца, а с ними полицей из местных. К счастью, в это время большинство детей с воспитателями ушли на Уруп купаться.

Старшая же группа осталась в своей спальне, где девчушки собрались по рукодельничать. Увидев в окно, что к их домику приближаются какие-то незнакомые люди, и решив, что к ним прибыла очередная комиссия, дети сели в кружок и, чтобы показать, как весело им живется, громко, задорно запели одну из выученных недавно песен:

Пролетают кони, шляхом каменистым.

В стременах привстал передовой.

*И поэскадронно бойцы-кавалеристы,
Натянув поводья, вылетают в бой...*

Услышав это, Юлия Ивановна Белоруссова в первый момент растерялась. Услышали песню и немцы, но они, по всему видно, пока не уловили ее смысл, и один из них даже похвалил девчат:

— О, здесь весело. Песня карош...

Полицай же испугался, зло глянул на Белоруссову. Что было делать? Юлия Ивановна хотела было крикнуть детям, чтобы прекратили пение, но окрик мог насторожить немцев. А из открытых окон с еще большим задором летели слова припева:

*В бой за Родину, в бой за Сталина,
Боевая честь нам дорога.
Кони сытые бьют копытами,
Встретим мы по-сталински врага.*

Тут Юлия Ивановна увидела на крыльце домика, из окон которого летела песня, сохнувшее на веревке чье-то женское нижнее белье. Извинившись за беспорядок, она попросила “гостей” минутку подождать, метнулась к крыльцу, быстро сдернула с веревок белье, юркнула в дверь и шепотом:

— Тише, детки мои, тише... Это немцы...—а потом уже спокойнее: — но вы не бойтесь, я с вами... Шейте, шейте, работайте.

Но увидев среди девочек Марину Кейзман, Женю Хайкину и Дору Шандалову, быстро откинула свисавшую со стола до самого пола скатерть и жестом приказала им залезть под стол, строго шепнув:

— И чтоб ни звука, ни шороха...

Когда дети спрятались, она, поправив скатерть, нарочно широко распахнула двери:

— Еще раз прошу простить... Мне так неловко. Пожалуйста, заходите, посмотрите, какие у нас славные детки...

Немцы вошли в комнату, внимательно оглядели ее. Один из них подошел к столу, поворошил какие-то бумаги, затем пристально обшарил взглядом притихших детей. Наконец, натянуто улыбнувшись, глядя на кого-то, сказал:

— О, карош девичка, очень карош...

Оккупанты еще с минуту постояли у порога, о чем-то поговорили между собой по-немецки и не спеша вышли.

Юлия Ивановна тихонько притворила дверь в комнату к детям и, пока фашисты спускались с крыльца, одним движением успела протереть за ними пол случайно попавшейся под руки шваброй с мокрой тряпкой. Сделала она это машинально, а сама подумала:

“Не только следа, духа вашего здесь больше не будет”.

И она действительно смогла сделать так, что за время оккупации ни сотрудники, ни один из 128 ее воспитанников не пострадали от рук вражеских солдат. В Удобной, а потом в Передовой жители и местные власти помогали лечить детей-блокадников. А когда немцы пришли и сюда, Юлия Ивановна каждую неделю приходила в Удобную к коменданту попросить, чтобы из запасов колхоза он выписал ей хотя бы 1 кг масла и 3 кг кукурузы (норма, установленная немцами, и это на 128 детей). Но в приёмной коменданта переводчица по фамилии Кобина, стала помогать детдомовцам: единичка превращалась в четвёрку, а 3 в 13 или в 23. Солдат, отпускавший продукты, записку, не глядя, бросал в угол, а иногда и совсем не брал.

Но бывало, что Юлии Ивановне отказывали и в этой малости. Как возвращаться к голодным детям с пустыми руками. Что делать? И тогда она с работницами детского дома шла по улицам станицы просить для детей милостыню. Местные жители, зная, для кого просят эти люди, выносили всё, чем могли поделиться: кто яйцо, кто кочан кукурузы, кто сушеные фрукты. Так что Юлия Ивановна все равно приходила в детдом с продуктами.

А чтобы постоянно держать детдом вне поля зрения оккупационных властей, она нашла довольно простой, но, как оказалось, надежный способ.

Когда ее вызвали в комендатуру и немецкий офицер на ломаном русском языке потребовал от нее представить списки сотрудников и воспитанников детдома, она искренне удивилась: “Какие списки? Беспризорных детей по дорогам да по станицам насобирала. Не все малыши и фамилии-то свои знают. А воспитатели... большинство тоже случайные люди, беженцы. А местность тут непаспортизированная, не у всех и документы-то есть. А что делать? Пришлось брать на работу. Хорошо, хоть эти согласились... Кому охота ухаживать за вшивыми, чесоточными да тифозными детьми...”.

— Что?! — вытаращил глаза перепуганный фашист.—Тиф! Вон, вон! Детдом карантин... Шнель, шнель! Бистра!

А в детдоме тем временем и в самом деле для полной картины эпидемиологического неблагополучия намазали детей черной колесной мазью да ихтиолкой.

Малышей же еврейской национальности, замотав бинтами, подальше от чужих глаз посадили в изолятор. Никому, кроме нескольких воспитателей из местных жителей, не разрешалось выходить за территорию детдома. В тот же день над центральными воротами появилась устрашающая надпись: “Смертельно — тиф!”.

На протяжении всей осени и зимы 1942 года в детдоме то и дело “вспыхивали эпидемии” то дизентерии, то желтухи, то рожи... А когда Белоруссову вызывали в жандармерию по поводу списков, она неизменно отвечала: “Поправятся детишки, обязательно составим, а пока принести их сюда я все равно не смогу: не имею права подвергать вас опасности...”. И тут же:

“Не могли бы власти немного помочь несчастным сиротам, выделите чего-нибудь из запасов местного колхоза? Ну, хотя бы муки или кукурузного зерна?”.

И ей иногда выделяли, только б не ходила по станице, не разносила заразу.

Но оградив себя от одной напасти, детдом навлек другую. В связи с карантином трудно стало добывать продовольствие, одежду, обувь, медикаменты. Дети и в самом деле стали снова быстро терять в весе, часто болеть.

И тогда на помощь ленинградским детям пришли местные жители. Таясь от фашистских соглядатаев, передовцы приносили в детдом все что могли: зерно и сухари, сушеные фрукты и картофель, молоко и овощи, обувь, одежду, медикаменты. Требовалось немалое мужество, чтобы идти на это, ведь те, кто помогал детдомовцам, рисковали собой, своей семьей. Работникам же детдома, чтобы прокормить воспитанников, пришлось собирать в лесу дичку: груши и яблоки, сливы и алычу, заготавливать на зиму орехи и шиповник, кизил и лекарственные травы, которых здесь, в предгорьях, к счастью, растет очень много.

А поздней осенью, когда не стало и этой возможности, воспитатели под покровом ночи выходили на неубранные колхозные поля собирать початки кукурузы, копать мерзлый картофель и свеклу. Каждая такая вылазка могла стоить им жизни.

К счастью, оккупация в предгорьях Кубани длилась недолго. Уже перед самым уходом оккупантов в детдом с проверкой пришли трое подвыпивших полицейских. Еще издали, увидев их, Юлия Ивановна шепнула своим работникам: “У меня день рождения... Накройте стол, и побольше самогонки...”.

... Поздно ночью чуть не на четвереньках полицейские выползли, наконец, за ворота детдома. Староста потом спрашивал их, действительно ли детдомовцы болеют такими страшными болезнями, те согласно кивали головами: “Да, жуткое дело, едва ноги унесли”.

Ни тогда, в трудном 42-м году, ни позже, после войны, никого из детей Белоруссова не отдала на воспитание даже местным жителям, хотя желающих взять ребенка было очень много. Объясняла она это тем, что может воспитать детей лучше. А еще, хотя этого она никогда и не говорила, можно догадаться, делала это Юлия Ивановна с той лишь целью, чтобы после войны родителям легче было найти своих малышей.

Именно поэтому и на печати Передовского детдома еще многие годы после войны сохранялось такое добавление “... бывший первый Ленинградский, Смольненский”.

После снятия блокады города весной 1943 года Детдом стал получать много писем от родителей, которые разыскивали своих детей, родственники детдомовцев забирали малышей в Ленинград. Провожали мы их всегда всем детским домом, но никто не искал того мальчика, которого Юлия Ивановна буквально вырвала из рук смерти. А он рос веселым, общительным, любил рассказывать сказки. Каждый день приходил в кабинет, садился на диван и слушал, как мама Юля решала проблемы детдома.

И вот однажды, это было в 1948 году, произошло нечто странное. Рано утром он прибежал к ней и с восторгом начал рассказывать свой сон в котором он с папой гулял в парке, где звучала музыка, а когда пришли домой, мама читала ему интересную сказку про волшебников, которые могли перелетать в прошлое.

Юлия Ивановна выслушала его рассказ, порадовалась вместе с ним, а про себя подумала: “Фантазирует мальчишка”. Но через некоторое время мальчик опять рассказал сон теперь о маме, о доме, в котором было много книг. Это повторилось несколько раз, и тогда Юлия Ивановна решила нарушить свою клятву и поехать с мальчиком в Ленинград.

Они долго ходили по паркам города, но не находили дома, где до войны жил мальчик и который теперь приснился ему. Они уже взяли билеты домой и возвращались в гостиницу, а когда шли через маленький скверик, мальчик вдруг остановился и закричал: “Юлия Ивановна, вон мой дом!” Он бросился через дорогу к дому, вбежал в подъезд и на втором этаже остановился у двери. Юлия Ивановна позвонила, дверь открыла женщина, некоторое время она стояла как вкопанная, а потом вдруг бросилась к мальчику, обняла его: “Жив! Жив! Теперь я не одна!” – плача, твердила она.

Это была жена дяди мальчика, который до войны работал в издательстве детской книги. Мальчик с родителями часто приходил к ним в гости. В шкафах и действительно было много книг, их-то он и запомнил. Все родственники у этой женщины во время блокады умерли, и она теперь попросила Юлию Ивановну оставить мальчика у нее. Юлия Ивановна опять осталась одна.

Обычно по достижении 14 лет детей из детдома определяли в ФЗО получать профессии, некоторые детдомовцы поступали в техникумы. Но Юлия Ивановна многих умудрялась держать в детдоме до окончания 10 классов. Делала она это для того, чтобы в самостоятельную жизнь ее воспитанники выходили уже повзрослевшими юношами и девушками.

В январе 1944 года, когда было разорвано кольцо блокады, в Ленинградский обком партии пришла телеграмма из далекой кубанской станицы Передовой. Ю. И. Белоруссова сообщала, что воспитанники вывезенного ею из города детского дома все живы и здоровы. Первый секретарь обкома А. А. Жданов выразил ей искреннюю благодарность за спасение маленьких граждан Ленинграда, а вскоре в детдоме узнали, что шефство над ними берет коллектив Балтийского завода.

С тех пор одну за другой стали получать маленькие ленинградцы посылки с учебниками и наглядными пособиями, с инструментом для мастерских и мануфактурой для одежды детям. На помощь сотрудникам детдома в воспитании малышей были направлены и несколько рабочих предприятия.

Об этом детдоме, говорят, откуда-то узнал, прославленный полководец Рокоссовский. В дар детям он прислал небольшую библиотечку детской литературы и роскошное пианино. Этот музыкальный инструмент долго “верой и правдой”, служил делу воспитания маленьких ленинградцев но, к великому сожалению, в начале семидесятых годов замечательный подарок Героя Великой Отечественной войны был утрачен.

Не оставляли детей блокадного Ленинграда без внимания колхозы и промышленные предприятия Кубани. Передовский детдом стал одним из лучших во всей Российской Федерации, а его бессменный директор Юлия Ивановна Белоруссова была делегатом IV Всесоюзного съезда учителей, на котором за подвиг, совершенный по спасению детей, она первой из педагогов Кубани была удостоена высшей награды Родины — ордена Ленина.

Из воспитанников этого детского дома вышли потом рабочие и инженеры, ученые и военачальники, работники культуры и искусства. Они давно уже сами стали мамами и папами, имеют внуков. Абсолютное большинство из них, так и не найдя своих настоящих родителей, по сей день считают единственной своей матерью Юлию Ивановну Белоруссову, талантливого педагога и организатора, сумевшего собрать в детдоме прекраснейший коллектив людей бескорыстных, честных, любящих детей и преданных своему делу. И по сей день воспитанники Передовского детского дома, пожилые уже люди, собираясь вместе, называют Белоруссову “наша мамочка — Юливанна”.

Они с душевным теплом отзываются обо всех работниках детдома, кто в самые тяжкие годы войны отдал им часть своей жизни, молодость, здоровье.

“Не могу без слез вспоминать свое детство, - пишет бывшая воспитанница Передовского детдома Надежда Павловна Пятницкая из г. Сочи.

Что ж, так сложилась судьба. А помогли нам выжить, выстоять, вырасти чужие люди, заменившие нам отцов и матерей, отдавшие тепло своих сердец. Мы звали их по-простому, по-домашнему: тетями и дядями, бабушками и дедушками, в детдоме у них были разные должности, но у всех была одна обязанность - быть для нас добрыми друзьями и воспитателями, во всем помощниками и советчиками. Нашей любимицей была кастелянша тетя Клава (Клавдия Дмитриевна Мишенькина), человек великого трудолюбия и удивительного терпения. Это она и наш портной Кузьма Иванович Бровков обшивали весь детдом. Все, что мы носили, было сшито их золотыми руками. Во всем безотказной была и ночная няня у малышей тетя Мария Ивановна Итальянцева. Помню, когда она уезжала из детдома, мы ей, большой любительнице чая, подарили детдомовский чайник. Она потом много лет писала что ей ужасно стыдно, что она увезла такую нужную для детдома вещь.

Уборщицей у малышей работала милая женщина из местных жителей тетя Вера Колесникова. Произошел с ней однажды забавный случай. Она никогда не была в кино и не видела паровоза. И вот как-то мы повели ее на фильм, в котором паровоз на экране ехал прямо на зрителей. Наша тетя Вера страшно перепугалась и в панике закричала на весь зал. До сих пор мы смеемся, вспоминая об этом.

У наших мальчишек кумиром всегда был детдомовский шофер дядя Леша (Алексей Дмитриевич Дроздов). Мужская половина детдома буквально табуном ходила за ним, чтобы не упустить возможности помочь ему поковыряться в

нашем стареньком трудяге - газике. На всю жизнь осталось у нас в памяти и много других добрых, душевных людей.

Поклон им всем до земли и сердечная благодарность за все, что они для нас сделали"

К этому трогательному письму Надежды Павловны хочу добавить и еще несколько фактов и фамилий, которые хорошо знают многие воспитанники Передовского детдома.

Пожалуй, нет среди них человека, который не помнил бы музработника дядю Мишу (Михаила Григорьевича Ащепкова). Из дня в день каждое утро он аккуратно приходил к детям, увлеченно занимался с ними музыкой, засиживаясь, порой, до позднего вечера, и дети часто провожали его домой уже при свете звезд, которых он никогда не видел, впрочем, как и солнца, потому что был слепым.

А среди ленинградцев было много способных малышей, умевших хорошо петь и декламировать, рисовать и танцевать. Недаром в детдоме специально был организатор детской художественной самодеятельности Александра Александровна Ильина и даже свой руководитель танцевальной группы профессиональная балерина Вера Александровна Орлова. Потому, видно, местные жители так любили концерты детдомовцев, с которыми они часто ездили по хуторам и станциям. И вот в связи с этим нельзя не вспомнить любимца детдомовской детворы, их пионервожатого Виктора Александровича Николаева, которого все почему-то в шутку называли Сансанычем. Это он, непоседа, поднимал ребят на добрые дела.

А в пятидесятых годах, когда большинство ленинградских детей получили путевку в самостоятельную жизнь, разъехались по разным городам нашей страны, чтобы учиться, работать, служить в Армии. Стали возвращаться в город на Неве и воспитатели детдомов. И только Юлия Ивановна так навсегда и осталась на Кубани. О Ленинграде она даже разговоров не заводила боялась, говорят, воспоминаний о блокаде, о погибших там своих любимых муже и дочери.

Об этом удивительном человеке в станицах кубанского Предгорья остались легенды. Рассказывают их не только воспитанники и бывшие ее сослуживцы, но и простые колхозники, жители Передовой, окрестных хуторов и станиц, которые много лет подряд избирали Юлию Ивановну своим депутатом в станичный и районный Советы.

За все время своего директорства этот человек ни разу не был в отпуске. Белоруссова и представить себе не могла, как можно спокойно отдыхать, оставив детвору без своей личной опеки. Она и зарплату свою целиком тратила на воспи-

танников, стараясь всячески помогать тем, кто уже покинул детдом. На свои личные сбережения она покупала студентам обувь и одежду, книжки и хоть немножко, на радость, каких-нибудь сладостей, лакомств. А когда пришло время идти на заслуженный отдых, она категорически отказалась и от пенсии, заявив, что жизни своей без детей не представляет, а поэтому, пока будет биться ее сердце, с работы она не уйдет. Так и случилось, сердце ее остановилось, после того, как она, сделав ранний утренний обход детдома, прикоснувшись к каждому ребенку, поправив ему подушку или одеяло, вернулась в свою комнатку, чтобы немножко прилечь перед хлопотным, полным забот днем...

В 1964 году их доброй, ласковой и нежной мамочки Юлианны не стало.

Сохранилось несколько десятков писем бывших воспитанников адресованных ей. Эти письма, написанные и еще неуверенной детской рукой, и уже твердым почерком взрослого человека, — трогательные свидетельства любви, памяти и сердечной привязанности людей, одной семьей переживших труднейшие годы военного лихолетья. Приведу лишь несколько выдержек из таких писем. Все они начинаются так, будто не детдомовцы, а в самом деле дети пишут своей любимой матери, выбирая для нее самые теплые, самые душевные и нежные слова:

“Здравствуйте, наша самая дорогая (родная, добрая, милая, ласковая, нежная, заботливая) Юлия Ивановна! С сердечным приветом к Вам...”, а дальше каждый по-своему рассказывает ей о своем самом личном, самом сокровенном:

“... Очень соскучился по Вас. И сегодня у меня радостный день — получил Ваше письмо. Если разрешите, во время отпуска приеду к Вам в гости.

Н. Сергеев г. Владивосток

“... Так хочется поскорее увидеть Вас, показать свою дочурку. Она ждет не дождется, когда поедет к бабушке Юле (это она Вас так называет). Да у нас и нет другой бабушки. Вы, наверно, самая многодетная на свете мать, а теперь будете и самой богатой на внуков бабушкой.

Крепко целую, Лида”.

“... Узнал, что Вы заболели, и решил немедленно написать. Я ведь знаю, еще солнце не взойдет, а вы уже на ногах, в заботах о детях. Приезжайте ко мне, отдохнете, подлечитесь. Я полюбил девушку Риту, возможно, она будет моей женой. Что Вы посоветуете? Пишу Вам об этом потому, что считаю Вас своей матерью...

Саша. г. Харьков”.

“С радостью сообщаю Вам, что учусь на французском отделении химического факультета. Профиль широкий, могу преподавать химию работать инженером-химиком на заводах и в НИИ. Сочла бы за великое счастье хоть на минуточку увидеть Вас. Пишите почаще, мне так спокойнее.

З. Дергачева. г. Ленинград.

“Сердечное спасибо за посылку и деньги. Никогда не забуду Вашу чуткость и материнскую заботу о нас. Сейчас мы готовимся к зачетам. Обещаем, троек не будет, перед Вами стыдно. Крепко обнимаем и целуем Вас.

Люда, Рита, Женя, Люба г. Сочи”.

“... К нашим девчонкам часто приезжают родители, братья, сестры, родственники. А я как подумаю, что у меня никого нет, такая берет тоска. Так и убежала бы к Вам в Передовую, в наш детский дом.

Не забывайте Лильку”.

“Я служу на Камчатке. Уже есть несколько благодарностей от командования. У меня приятная новость: нашлись мои бабушка и тетя. Какое это счастье — найти родных людей, но знайте, что Вы для меня мать и я всегда буду гордиться этим.

Любящий Вас Юрий”.

“... Вчера получили от Вас посылку с одеждой. Не знаем, как и благодарить Вас, нашу самую чуткую, самую внимательную и добрую маму. У нас в библиотеке прошел диспут на тему: “Кого можно назвать человеком с большой буквы?”. Мы сказали, что таким человеком для нас являетесь Вы.

Обнимаем и целуем Вас крепко-крепко. Ваши дети, ваши девчонки”.

Эти письма написаны много-много лет назад, конверты с обратными адресами давно утеряны. Как сложились судьбы этих людей, кто и что встретилось на их жизненном пути теперь уж трудно узнать.

Но жизнь до сих пор, преподносит удивительные случаи из жизни бывших детдомовцев.

Х Х Х

Как-то из станицы Передовой приехал мой старый знакомый учитель Николай Васильевич Ющенко. “Помню, - говорит, - ты занимался поиском материалов о детдомовцах. Хочешь узнать интересную историю? Тогда приезжай к нам в станицу, познакомлю тебя с человеком, который на седьмом десятке лет выяснил вдруг, что в его судьбе все перепутано, он как бы и не он совсем, хоть жизнь заново начинай”.

История, которую я услышал, приехав в Передовую, и впрямь оказалась удивительной. Вот ведь как в жизни бывает, что и хотел бы придумать, да не придумаешь.

Николай Дмитриевич Трегубенко по документам родился в Передовой, всю жизнь прожил в этой станице, здесь похоронены его родители, здесь он вышел на пенсию, хотя продолжает работать в местной школе-интернате учителем по труду. А летом во время отпуска занимается сбором лекарственных трав, которых здесь хоть косой коси.

Словом, как говорят в народе, жил он поживал да добра наживал. Но вот однажды встретил свою давнюю хорошую знакомую Александру Яковлевну Поколову, а она вдруг и говорит ему: “Хочу я тебе, Николай, открыть одну тайну. Жизнь ты свою, считай, прожил, бояться тебе теперь нечего. Так вот. Никакой ты не Николай Дмитриевич, а на самом деле Геннадий Яковлевич. И фамилия у тебя вовсе не Трегубенко, а Азанков. Да и родился ты не в Передовой, а в городе на Неве. Ленинградец ты, блокадник, из тех, кого привезли в нашу станицу в 1942 году.

После той блокадной голодухи ты был хилым и болезненным. Мы хотели взять тебя в свою семью, но ситуация сложилась так, что усыновили тебя Трегубенки. Может, обидишься на меня за эту правду, но если захочешь узнать правду о своей настоящей семье, ищи документы в Ленинграде.

В глазах потемнело у Николая Дмитриевича от такого известия. Несколько дней он не находил себе места, мысленно прокручивая в памяти все, что помнил из начала своей жизни.

Вспомнилось ему, что когда-то от злых языков он действительно слышал, будто бы он у родителей приемный сын. Но потом узнал, что это не о нем речь, а о другом ребенке-подкидыше, который когда-то был в их семье, но умер.

На этом Николай успокоился и поскольку других родителей, кроме отца и матери Трегубенко не помнил, утвердился в мысли, что он и есть их настоящий сын, а все эти нашептывания досужие сплетни. Но, как оказалось, теперь рядом с ним всегда были люди, которые хорошо знали его семейные тайны, но молчали. От них-то и узнал он, что у супругов Трегубенко своих детей вообще не было. Хотя они очень хотели их иметь. Зная это, кто-то из передовцев и подкинул им малыша. Они сразу же зарегистрировали ребенка в сельсовете, назвав Николаем.

Когда началась война, отец Дмитрий Николаевич Трегубенко, ушел на фронт, а мальчик в конце 1941 года неожиданно заболел и умер.

Мать, Анастасия Максимовна, тяжело перенесла потерю приемного сына, и очень переживала, как теперь сможет объяснить мужу, почему не уберегла ребенка. Как раз в это время в станицу привезли детей, эвакуированных из блокадного Ленинграда.

Вот тогда Анастасия Максимовна и решила взять ребенка из детдома. Она знала, что одного из них, крайне истощенного, болезненного мальчика Гену Азанкова, чтобы подкормить и вылечить постоянно брала домой семья Поколовых. Понравился он и Трегубенко.

Директор детдома, зная состояние здоровья ребенка и то, что настоящие родители этого мальчика погибли, когда Анастасия Максимовна обратилась к ней с просьбой усыновить мальчика, тут же согласилась отдать Гену ей на воспитание. После оккупации станицы, видимо, боясь осложнений с властью, Трегубенко не стала заново регистрировать ребенка, оставив его на документах умершего мальчика.

Вот так и стал Гена Азанков Николаем Дмитриевичем Трегубенко. Ему в то время было всего три годика и, конечно, он не мог знать о всех этих перипетиях в своей судьбе.

И вот теперь через шестьдесят лет, узнав об этом, он, конечно, пережил шок. Но оправившись, решил все же через суд вернуть себе настоящие имя и фамилию. Сделав запрос в соответствующие организации Санкт-Петербурга, он узнал и некоторые сведения о своих настоящих ленинградских родителях.

Оказалось, что его мать, Мария Ивановна Гоголева, и отец, Яков Иванович Азанков, жили в Ленинграде по 9-й Советской улице в доме №15, кв. 16. Судя по справке, в эту квартиру они переехали буквально накануне войны, 8 мая 1941 года. А 22 августа отец Гены, Яков Иванович, уже был призван в Красную Армию и 23 февраля 1943 года погиб под Всеволожском.

Мать же, Мария Ивановна, умерла от голода еще раньше, в январе 1942 года. Так Гена Азанков попал в детдом №58 и с ним был эвакуирован на Кубань в ст. Передовую. Так что все дальнейшие его воспоминания связаны только с этой станицей и людьми, которые его воспитывали. Только Дмитрия Ивановича и Анастасию Максимовну Трегубенко он всю жизнь и считал своими родителями. А правду о своей настоящей семье узнал, когда их уже не стало.

Вот такая история.

Много воды утекло с того военного времени в быстроводной кубанской речке Уруп. Жизнь разбросала бывших детдомовцев по всей нашей необъятной стране, по-разному сложились их судьбы, но у всех воспитанников Белоруссовой на всю жизнь святым и незабвенным осталось чувство душевного родства со своими детдомовскими сестрами и братьями, с жителями станиц Отрадненского предгорья, которым обязаны они своей жизнью своим воспитанием. А потому используют они любую возможность, чтобы хоть на краткий миг встретиться друг с другом, чтобы поделиться радостью попросить совета, получить утешение, когда трудно.

У ленинградцев - бывших блокадников, есть такая традиция — в день Победы собираться вместе. На этих встречах они обязательно вспоминают о годах детства, проведенных на Кубани, называют имена жителей станиц, которые спасли им жизнь в годы тяжкого военного лихолетья.

Да и жители кубанского предгорья не забывают маленьких ленинградцев.

Ранней весной 1987 года по всей стране разлетелись сотни писем с одним и тем же обратным адресом Краснодарский край, Отрадненский район, станица Передовая, клуб земляков "Отчизна". И те счастливики, которые получили их, не могли сдерживать волнения – ведь это была весточка из родных мест, оттуда, где прошло детство, где отчий дом, где друзья и близкие. Правда, весточка эта была не совсем обычной. В конверте лежал номер специальный выпуск отрадненской районной газеты "Сельская жизнь", посвященный работе Передовского клуба земляков "Отчизна", который был создан известным в стране фотожурналистом тоже передовцем Алексеем Жигайловым и стал как бы, центром притяжения для всех, кто хотел держать связь со своей родиной. Одновременно этот номер газеты был своеобразным пригласительным билетом на встречу выпускников местной школы всех лет. Несколько десятков конвертов с газетой пришли и по ленинградским адресам. Бывших детдомовцев тоже приглашали приехать в станицу на большую встречу земляков. Их тоже считали своими станичниками. И они приехали. Их, бывших детдомовцев, собралось на эту встречу несколько десятков человек.

Они не могли сдерживать слез, когда встречались с местными жителями, многие из которых когда-то были их друзьями и подружками, одноклассниками, или работали в детдоме. А с каким душевным трепетом ходили они по территории детдома, помещениям, где когда-то были их спальни, столовая, где жила Юлия Ивановна Белоруссова. Даже к стволам старых теперь уже деревьев, которые они

своими руками когда-то посадили, они дотрагивались с каким-то особым чувством, ведь они тоже были свидетелями их детских игр, шалостей. А работники школы-интерната, который был теперь в зданиях бывшего детдома приготовили ленинградцам еще один сюрприз - на время встречи они разрешили гостям ночевать в тех же комнатах, в которых они когда-то жили. Сколько воспоминаний нахлынуло на этих людей, ставших уже бабушками и дедушками, всю ночь проговорили они друг с другом, да так и не наговорились. А утром, как когда-то в детстве, была утренняя побудка, линейка, потом было шествие гостей по центральной улице станицы, был митинг и замечательный, большой концерт. Но самое главное, в тот день в парке станицы был заложен камень в том месте, где решено поставить памятник “Спасенное детство”.

А через год уже ленинградцы пригласили к себе в гости отрядненцев. Почастливилось быть в этой делегации и автору этих строк. Принимали нас, как говорится, на высшем уровне. Руководителя нашей группы секретаря Отрядненского райкома Валентину Ивановну Морозову приглашали на беседу в Смольный, показали Балтийский завод, сделали прекрасную экскурсию по музеям и достопримечательным местам Ленинграда и Петергофа и, конечно же, свозили на Пискаревское мемориальное кладбище. Сопровождавшие нас ленинградцы показывали, где похоронены их родные и близкие. Мы возложили цветы, поклонились праху погибших и еще долго ходили потом между рядами плит, слушая воспоминания наших ленинградцев о страшных месяцах блокады, которые им пришлось пережить.

А вечером этой же теме была посвящена наша встреча перед камерами ленинградского телевидения. Мы тогда договорились заключить договор о дружбе и сотрудничестве между Балтийским заводом и Отрядненским предгорьем. Планировали обмен делегациями, создание в наших живописных местах горно-спортивной базы для молодежи северной столицы, а на территории бывшего детдома пионерского лагеря для маленьких ленинградцев. Планы были “наполеоновские”. Но тогда никто еще не знал, что через два года начнется перестройка, которая перечеркнет все наши планы и не позволит осуществиться этой задумке.

СПАСЕННЫЕ

С того времени, когда я начал собирать материал о детях блокадного Ленинграда, эвакуированных в кубанское предгорье, прошло уже много лет.

А мне нет-нет, да и придет вдруг откуда-нибудь письмо с очередной историей жизни детей, переживших страшные годы войны. Заканчивались многие, как правило, просьбой опубликовать их, хоть коротенько, но обязательно с фактами и фамилиями. Видно многие и по сей день не теряют надежды, что откликнется кто –нибудь из однокашников по детдому, а вдруг, да найдется еще и кто-нибудь из родственников.

Корректор отрадненской райгазеты «Сельская жизнь» Нинель Александровна Емцева, читая мои материалы о ленинградских детях – блокадниках, однажды вдруг сказала, что в годы войны, она вместе с семьей от наступающего врага уходила в Грузию через Клухорский перевал. В горах они тоже встретили группу детей, человек 20, школьного возраста, с которыми шли пожилой мужчина и молоденькая женщина.

Несколько раз они попадали под обстрел вражеских самолетов. Осколками камней, ранило несколько человек, но детей все же удалось переправить на безопасную территорию.

Н.А.Емцева рассказывала, что со стороны Карачаево – Черкессии тогда тоже шло много беженцев

У меня среди черкесов есть друзья и у одного из них Ахло Яхьяевича Гогушева, что живет в ауле Малоабазинский, я попытался узнать, нет ли и там каких либо историй связанных с эвакуированными в предгорье Кавказа ленинградскими детьми. Тем более что Ахло жил в этих местах и во время войны. Он сказал, что действительно ленинградцев якобы приютили у себя жители аула Бесленей, который стоит на берегу реки Большой Зеленчук, но никаких подробностей он не знает.

А.Я. Гогушев дал мне адрес и телефон своего хорошего знакомого, Владимира Сагидовича Цеева, который сейчас живет в ауле Адыгее – Хабль. Он как раз и есть один из бывших детей – блокадников. Я сразу же позвонил Цееву и у нас с Владимиром Сагидовичем завязалась небольшая переписка. От него я и узнал некоторые подробности того, как в годы войны жители аула Бесленей тоже скрывали у себя малышей одного из ленинградских детдомов наскоро эвакуированных откуда-то с Кубани.

Цееву, конечно же, тяжело было, отвечая на мои вопросы, вспоминать о своем детстве. Но разве мог он забыть, почему, родившись в прекрасном большом городе, на берегах северной реки Невы, где летом нет даже ночей, настоящее счастье детства он испытал здесь на солнечном юге, в маленьком черкесском ауле среди гор, бурных рек и цветущих садов.

... Ему шел тогда тринадцатый год, поэтому, он помнит, многие подробности того времени. Память сохранила, как он с родителями и двумя братьями (младшего папа с мамой еще носили на руках) гуляли по городу с огромными домами и широкими улицами, ходили к реке, которая текла среди серых каменных берегов...

Но потом папа обнял их всех, поцеловал и вдруг куда-то собрался уходить. Мама вдруг заплакала, не пускала его, но он ушел и больше не вернулся. А в городе вскоре стали часто выть противные сирены, после которых раздавался страшный грохот и они с мамой убегали в подвал дома. В их квартире было очень холодно, нечего было кушать кроме маленьких кусочков хлеба, которые приносила, мама.

В памяти Володи навсегда осталось, как мама разрежала эти небольшие кусочки хлеба на ещё более тонкие пластинки, посыпала их солью и заставляла детей сразу же съесть и запить водой. А себе она брала только крошки, которые оставались на столе. Больше кушать было нечего...

Мама часто плакала, глядя на детей, вскоре заболела и уже не могла ходить за хлебом. Тогда Володя со старшим братом Григорием стали сами ходить в магазин. Но однажды утром, когда они подошли к маме, чтобы попросить у ней хлебные карточки, она не ответила. Дети стали осторожно будить ее, но мама так и не проснулась. А на другой день не поднялся и младший брат Миша.

Об этом откуда-то узнали их родственники, которые жили недалеко от их дома, и двоюродная сестра Володи Валентина пришла к ним, и его со старшим братом Григорием отвела в ближайший детский дом № 12. Там детей хоть и кормили, но, спустя несколько дней, Гриша все равно умер. Володя же был так слаб, что даже не смог подойти к нему проститься.

Ну, а то, что было с ним потом, помнят, пожалуй, все дети блокадного Ленинграда.

Под постоянными обстрелами вражеской артиллерии и самолетов их везли на машинах по опаснейшей ледовой «дороге жизни», которая для некоторых из

них превращалась в «дорогу смерти». Ведь если какая-то из машин проваливалась в полынью, или в нее попадал снаряд, спастись было почти невозможно.

Потом была не менее опасная поездка на юг по железной дороге, которую враг тоже держал под постоянным прицелом.

Владимир Сагидович помнит, что их детдом привезли на станцию Армавир, откуда на машинах сразу же переправили в станицу Курганную. Но и там они задержались недолго. Вскоре, дети слышали взволнованные разговоры воспитателей о том, что и на Кубань прорвались немцы, и что по Ростовской дороге они смогут быстро добраться и сюда. Надо быстрее уходить к горам, а там через перевалы в Грузию. Уж туда-то немцам не дойти, туда их наша армия не пустит!

В один из жарких августовских дней во двор детдома въехали несколько пустых телег и воспитатели стали спешно грузить на них вещи и кой-какой провиант в дорогу. Командовал всей подготовкой к переезду, видимо бывший фронтовик. Он был без руки и одет в старую выцветшую солдатскую форму.

Сборы были недолгими. Детей кто был поменьше и послабей посадили на брички, а остальные пошли следом держась за борта телеги.

Ехали долго. Днем солнце палило нещадно, поэтому, ехать старались вдоль лесополос, останавливаясь у каждой речки и колодца. Однорукий солдат старался незаметно миновать крупные населенные пункты, и не выезжать на большие дороги, боясь, видно, что именно туда в первую очередь могут нагрянуть немцы.

Скоро кончились продукты. И тут, к счастью, стало помогать население. Когда подводы проезжали вблизи населенных пунктов или мимо полей, где работали колхозники, люди приносили детям, молоко и простоквашу, сало, вареную картошку и хлеб, сушеные и моченые фрукты, узвар. Кто-то приносил даже детскую одежду, чтобы дети могли укрыться от палящих солнечных лучей.

Для ночевки выбирали места подалее от дорог. Телеги загоняли куда-нибудь в кусты или в тень деревьев, лошадей привязывали рядом, нарвав для них охапки травы. Здесь же на солому укладывали и детей. Тревожный сон был недолгим. Еще до рассвета солдат всех будил, запрягал лошадей и движение продолжалось.

Наконец, этот печальный обоз подъехал к реке Большой Зеленчук. Река было бурлива с большими перекатами. Переправлять через неё детей вброд было опасно, поэтому пришлось долго искать подходящую переправу. Наконец переправились на правый берег реки и первый населенный пункт, который встретился им на пути был аул Бесленей.

Когда брички затарахтели мимо первых домов, аульчане, подошедшие к ним, с ужасом глядя, на изможденные детей, стали с возмущением расспрашивать сопровождавшего обоз однорукого мужика в просолевшей от пота гимнастерке:

- Откуда эти дети? Кто их морил голодом? Да тебе знаешь что за это...

Наконец, солдат остановил подводы. К нему подошел высокий стройный старик с острым внимательным взглядом, и тоже строго спросил, куда он везет этих бедняжек. Тот стал объяснять, мол дети, из ленинградских детдомов, блокаду пережили.

- Их к нам, на Кубань в тыл, в станицу Курганную недавно привезли. Да какой тут теперь тыл, если немцы уже, за калиткой. А тут еще вот какая беда - среди детворы пацаны еврейчата. А у фрицев приказ – увидал такого - расстрел на месте. Вот мне и велено срочно переправить их через горы в Грузию. Да не разлучать, чтобы после войны родителям легче было найти своих детей.

Но вижу, не дотянет ребятня и до перевалов. Как еще в дороге не поумирали. Вон, скелеты одни... Спасибо кубанцам по пути в хуторах да станицах продуктами помогали. У меня сердце на части рвется. Как спасти, этих бедолаг. Может вы поможете как - то быстрее их через перевалы переправить? Вы ж тут местные, лучше меня в этом деле понимаете.

Но пока однорукий рассказывал все, что произошло с ними в дороге, многие аульчане уже сбегали домой и принесли малышам покушать, расспрашивая как звать, да откуда родом. Солдат, однако, предупредил, что детям нельзя давать много еды – чтобы не навредить их здоровью.

А тем временем, за его спиной некоторые аульчане стали уже разбирать детей по домам. Но не все малыши могли идти самостоятельно, поэтому кого-то уводили осторожно придерживая худенькое тельце, а кого и на руках уносили. Словом, скоро телеги опустели.

В тот же день наиболее авторитетные и уважаемые жители Бесленея собрались, чтобы обсудить, как быть дальше, как уберечь свои семьи и приезжую детвору от фашистов.

Кто-то сетовал, что, мол, в ауле и самим скоро на подножный корм переходить придется, а тут еще 32 рта... Да и опасно чужаков в ауле прятать... А вдруг немцы с обыском... В подвалы всех не посадишь и по чердакам не спрячешь...

Но, председатель сельсовета Сагид Шовгенов выслушав всех, вдруг напомнил односельчанам о кодексе чести «Адыге Хабзе» по которому черкес, что бы не случилось, обязан спасти любого ребенка не важно, какого он роду-племени.

Проговорили всю ночь. Выход нашли такой: всех детей усыновить, но чтобы все было по правде, вписать их в сельсоветовскую похозяйственную книгу под фамилиями людей, которые их возьмут в свои семьи. Так они станут их законными детьми и внуками. Кроме того, они такие же черноволосые и уже подзагоревшие, как и черкесская детвора, так что, сойдут за своих.

А чтобы постоянно быть в курсе вражеских планов старейшина аула Мурзабек Охтов, предупредил своих земляков, что в случае прихода оккупантов, пойдет к ним старостой. Но с условием, что все должны подчиняться ему беспрекословно.

На другой же день бесленеевцы всем своим приемышам рассказали, как следует себя вести если придут немцы, и дали им черкесские имена.

- Ты Марик – будешь Муссой. Да не перепутай, не Моисей, а Мусса.
- А ты Катя, запомни, твое имя Фатима, а фамилия Охтова.
- Тебя Витей звать? Теперь ты Рамазан. Повтори, Рамазан Адзинов.
- А ты, чей мальчик?
- Жданов Володя.
- А моя фамилия Цеев, звать Сагид. Мой сынок недавно умер. Так что ты теперь будешь за него, Володей Цеевым. Согласен? Не бойся, в обиду тебя не дам.

Так сразу все 32 маленьких ленинградца - блокадника стали черкесами.

Всем новым «родителям» был дан совет: строго - настрого смотреть за детьми, запретить им собираться вместе и разговаривать на русском языке при посторонних людях, чтобы не выдать себя характерным произношением. Местного же говора, кроме жителей аула, все равно никто не знает. Так что дети, ни на какие вопросы никому отвечать не должны. Молчать и все. Пусть делают вид, что не понимают.

Но, вот что интересно, в постоянном общении со своими новыми родственниками малыши стали быстро усваивать незнакомый им язык. Им даже интересно было слушать и повторять странно звучащие для них слова, и видеть, что их понимают местные ребята и взрослые. Некоторые малыши уже в первые же месяцы научились говарить по - черкесски на бытовые темы.

Во многих семьях, чтобы приемные дети быстрее окрепли и набрали вес женщины стали специально для них готовить отдельную еду повкусней и кало-

рийней, делать специальные отвары и настои и детвора стала быстро поправляться и вскоре уже мало чем отличалась от местных ребятишек.

Немцы пришли в середине августа, и сразу же стали наводить свои порядки. Собрали всех на площади и объявили, что колхоз распускается, установили комендантский час, а всем коммунистам, цыганам и евреям немедленно явиться для регистрации. Правда, таковых в маленьком глухом ауле не оказалось.

Но, кто-то все же проговорился, что в ауле был обоз с детьми. Гитлеровцы вызвали на допрос старосту. Он подтвердил, что такой обоз действительно прошел через аул, но куда он направлялся и где сейчас он не знает.

И все же немцы стали ходить по дворам и требовать, чтобы показали детей. Ходили те, кто хоть как-то мог лепетать по-русски. Пытались заговорить с малышами, манили сладостями – бесполезно, все молчат. Наконец, кто-то из аульчан возмутился, чего, мол, вы к детям пристаёте, они черкесы, русского языка не знают, не понимают вас потому и молчат.

К сожалению, сейчас в ауле осталось очень мало свидетелей событий происходивших в то отчаянное военное время. Кто-то уехал из аула, а кто-то уже закончил свой жизненный путь, унеся с собой в небытие немало сведений об острых моментах в жизни аульчан, вынужденно живших под контролем ненавистных оккупантов. Ведь скрыть, что у тебя в доме есть дети, когда во двор постоянно приходят незваные гости, было не так просто. Вот и приходилось бесленевцам идти на всякие хитрости: кто-то прятал малышей в сундуках под одеждой, которая там хранилась. У кого-то на чердаках, в сараях или подвалах где были темные углы, в которых можно было надежно прятать малыша. Но дети есть дети.

Рассказывают, что однажды светловолосая Катюша, (среди этой группы детдомовцев она была единственной русской белокурой девочкой), заигралась с подружками за двором и не заметила, что в их сторону идет немец. Увидев его, Катюша ту же юркнула в ближайший соседний двор. Там успели спрятать ее на чердаке, а когда прибежал немец и потребовал показать ему девочку, которая только что играла на улице, хозяин привел свою дочь.

Немец заорал, что это не та девчонка. На улице была блондинка. Немецвыхватив пистолет, приставил его к груди хозяина дома, пригрозил убить его, если он не покажет ребенка, которого он видел. Но тот, упорно отвечал, что другой дочки у него нет, просто на этой была белая косынка. И жена его тут же вынесла её. Немец, так ничего не добившись с угрозами, все же ушел.

Хотя, были, конечно, и трагические случаи.

Один ребенок в отсутствие дома взрослых переел грубой пищи и, через несколько дней, умер.

Нашелся в ауле и подлец, который выдал одного из ленинградских мальчиков. Его усыновила немолодая уже одинокая женщина по имени Кабахан. Это был один из самых исхудавших малышей, кожа да кости. Женщина увидела его в телеге на мешке набитом соломой. Он неподвижно лежал и безучастно смотрел куда-то в небо. Кабахан подошла к нему и склонившись над ним осторожно притронулась к его щеке. Мальчик, чуть вздрогнул, повернул в ее сторону печальные глаза и, как ей показалось, его губы прошептали - мама. Из глаз женщины хлынули слезы. Она больше не видела, что делали около обоза ее односельчане, не слышала о чем говорили люди с одноруким человеком. Кабахан сняла с головы свой платок, завернула в него легкое, как пушинка, тельце ребенка и унесла домой.

Она души не чаяла в этом ребенке: не только днями сидела рядом с ним, но и спала с ним, кормила из ложечки, каждый день купала, стелила ему самые мягкие простынки. А по вечерам пока он не заснет, Кабахан что-то тихонько шептала ему, называя его по - русски сыночком, пела черкесские песни. Она чувствовала себя безмерно счастливым человеком. Женщина даже не обратила внимания, что к ее двору стали присматриваться ходившие мимо немцы. Несколько раз они заходили к ней в хату, но она успевала спрятать малыша в сарае.

И все же оккупанты выследили его и застрелили прямо на улице, когда он вышел за калитку за убежавшим от него котенком. А чтобы запугать население, фашисты несколько дней не давали ребенка хоронить. Этого горя Кабахан не смогла вынести и, после похорон мальчика умерла прямо на кладбище. Ее похоронили рядом с ее приемным сыном.

Аульчане сами расследовали это предательство и вскоре негодяя, выдавшего мальчика, настигло возмездие. Его застрелили на краю аула.

Надо сказать, немцы и румыны, которых тоже было много среди оккупантов, после этого случая стали чувствовать себя в ауле очень неудобно. Ведь они постоянно ощущали на себе презрительно - ненавидящие взгляды, местных жителей.

А теперь стали свидетелями того, как быстро и скрытно бесленеевские мужики отомстили подлецу за предательство. Потому, наверно, старались не слишком обострять отношения с местными жителями. Однако, по дворам продолжали ходить. Тогда черкешенки стали применять простой старый как мир, способ, по-

могавший лишней раз избежать посещения их домов оккупантами. Завидев идущих в их двор гитлеровцев, они сами выходили к ним навстречу с каким-нибудь домашним вином, фруктами или другим вкусно приготовленным угощением, при этом улыбались, справлялись о службе, о здоровье и немцы, довольные таким обхождением прихватив подарки тут же убирались восвояси.

Знали, видно, что лучше местных жителей не обижать ибо месть народа гор будет жестокой и беспощадной. Тем более, что об успехах в жестокие бои на горных перевалах, немецкое командование что-то не хвалилось, как обычно.

Это уж потом, когда фашистов вышвырнут с предгорий Кавказа, бесленевцы анализируя меж собой все, что с ними произошло во время оккупации пришли к пониманию, что любая не только ошибка, но и небольшая оплошность, с их стороны, могли привести к гибели многих людей. Ведь в ауле и до войны-то было всего около полутора тысяч жителей, а теперь, когда мужики ушли на фронт и вовсе остались лишь старики, женщины, да дети.

В январе 1943 года Красная армия сбросила фашистов с перевалов Кавказа. На рассвете 19 января части 37 - й Красной армии подошли к реке Большой Зеленчук, где гитлеровцы сосредоточили крупные силы, в три раза превосходившие численность наступающей здесь 2-й гвардейской стрелковой дивизии.

Но фашисты, узнав, что их отступлению с кавказских перевалов предшествовал провал сражения под Сталинградом, где были окружены и разгромлены 22 их элитные дивизии, были деморализованы.

Бой, разгоревшийся в районе аула Бесленей за переправу через реку Большой Зеленчук, сразу принял острый характер. Контратаки с обеих сторон следовали одна за другой, мост несколько раз переходил из рук в руки. В сражении за переправу дело дошло до жестокой рукопашной, в результате которой, только группа гвардейцев капитана Д. Г. Коваленко, уничтожила 40 вражеских солдат и офицеров. В ходе боя, чем только могли, помогали освободителям и жители Бесленей.

Не выдержав такого напора, часть гитлеровцев в беспорядке бежали в сторону Армавира, остальные же, среди которых, было много румын, к полудню 20 января сдались в плен.

К счастью, в ходе боев всех детей в ауле спрятали, и они не пострадали. Для них самое страшное время на этом закончилось. И хотя, война будет длиться еще

два с половиной года, здесь в глубинке пусть медленно и трудно, но стала налаживаться мирная жизнь.

Маленькие ленинградцы начали познавать малоизвестную им до этого сельскую жизнь с ее нескончаемой работой, заботами и проблемами. В обязанность детей входило заготавливать и носить домой сухой бурьян, который зимой использовался здесь, как топливо для печей, помогать взрослым по хозяйству. А весной и летом они с приемными родителями ездили на сенокос и пасеки, пасли домашний скот и птицу, старших детей стали привлекать к посильным работам в саду и огороде, за что им разрешалось потом покататься на лошадях, а по вечерам ходить на речку купаться и ловить рыбу.

И как им хотелось теперь жить в этом красивом, радостном и счастливом мире среди благоухающих трав и цветущих садов, чистого воздуха и яркого солнца! А когда на косогорах начала желтеть трава, ленинградцы, как и вся бесленеевская детвора, пошли в школу и учились, надо сказать, не хуже местных ребят, а в чем – то и обходили их.

Воспоминания о войне у детей уже стали терять остроту, когда в аул вдруг стали приходить письма, в которых жители Ленинграда просили помочь в поиске детей, вывезенных из города на Неве голодной зимой 1942 года. И вот теперь поняли бесленеевцы почему тот одорукий инвалид, привезший сюда детей, настаивал на том, чтобы не разлучали детей. Можно представить с каким душевным трепетом каждый ребенок ждал, когда же придет письмо, в котором будут указаны его имя и фамилия. Всех ребят, у которых нашлись родители, потом увезли в один из детдомов Сталинграда, откуда их забирали уже родственники.

В Бесленее остались только те дети, у кого война забрала всех родных или у кого поиск по каким-то причинам не давал результатов. Поэтому большинство из них связали свою судьбу с черкесским аулом. Ведь здесь, люди заменившие им родителей не только спасли им жизнь но, и как настоящие любящие отец и мать заботились о них, оберегали и помогали им, выучили, дали возможность получить профессию, сыграли свадьбу, а кому-то помогли обзавестись семьей и жильем. Правда и сами ленинградцы уже повзрослевшие окончившие семилетку стали понимать, что и самим им пора уже приспосабливаться к жизни, выбирать себе профессию, искать жизненные ориентиры.

Судьба многих поэтому сложилась хоть и непросто, но в итоге, можно сказать, неплохо.

Катя Иванова, она же Фатима Охтова, вышла замуж за черкеса Нуха Гуква, вместе с мужем они воспитали шестерых детей. Она по переписке нашла своих родных сестру Женю и брата Валентина, которые, как оказалось, тоже были усыновлены и жили всего в сорока километров от Бесленея. Радость со счастливыми слезами была на этой встрече! Но вспомнили они и о своих настоящих родителях, и так горько было сознавать, что они никогда не смогут увидеть, как хорошо живут теперь их дети.

Мусса (Марик) Агаржаноков любознательный мальчик, всегда много читавший, интересующийся гуманитарными науками. Очень гордились таким сыном его приемные родители Якуб и Кукра, говорили, что он обязательно станет ученым. И Марик оправдал их надежды. Он получил два высших педагогических образования и стал всеми уважаемым в ауле человеком, всю свою жизнь посвятивший преподаванию математики и физики бесленеевским ребятам. Долгое время был в школе завучем.

Рамазан (Александр) Хежев и еще один Рамазан (Виктор) Адзинов стали шоферами. Эта профессия на селе всегда востребована, а хорошие водители уважаемые люди. Оба они женились в ауле, и всячески помогали своим приемным родителям до последнего их часа.

Рамазан Адзинов после смерти матери нашел спрятанные ею письма из которых узнал, что оказывается в Ленинграде живет его родная сестра, которая после войны неустанно ищет его и, что настоящая фамилия Виктора Воронин. Он не осудил приемную мать Кару, за этот ее поступок. Он очень любил эту добрую, сердечную женщину, ставшую для него настоящей нежной и заботливой матерью. Понимал, что только из-за большой любви к нему, из-за боязни, что он может уехать в Ленинград, она скрывала от него эти письма.

Но зря боялась Кара. Жизнь брата и сестры Ворониных после встречи сложилась как раз так, как мечталось и ей. Разве мог Виктор оставить места, где прошло его счастливое детство, где жили его родители, где теперь у него много родственников и друзей. Он уговорил сестру переехать к нему в Карачаево – Черкессию. И стали они здесь на юге, жить рядышком, как в сказке говорится «жить поживать, да добра наживать».

Удачно сложилась жизнь и Владимира Сагидовича Цеева. Его усыновила семья Цеевых, черкес Сагид и его жена абазинка Мерамхан, у которых уже было две дочери Ляля и Леля, но и приемный сын стал в их семье полноправ-

ным членом. Ведь в доме появился еще один мужчина, преемник главы семьи и хороший трудолюбивый помощник матери.

Но так случилось, что в конце сороковых годов Мерамхан скоропостижно скончалась. Остался Сагид с тремя детьми. Были советчики, рекомендовавшие ему отдать приемыша в детдом. Но он категорически отказался, а вскоре женился на черкешенке Маце Герговой (Кантемировой), которая стала для Володи третьей матерью. И счастье его, что обе эти горянки относились к нему, как к родному сыну. В семье Цеевых всегда было согласие, понимание и забота друг о друге.

Окончив семилетку, Владимир принял по-мужски правильное решение получить хорошую профессию, а тут подвернулось объявление в газете, о том, что объявляет набор Ростовский горно-электромеханический техникум. Вот его то и окончил Володя Цеев, получив специальность горный техник. Потом он работал на разных ответственных должностях на шахтах в Рязанской области, на Ставрополье, в Карачаево – Черкессии.

Но все это время Владимир не терял надежды узнать о судьбе своих ленинградских родственников. Наконец, на его запрос из архива города на Неве пришло письмо. Но тяжело было ему читать эту официальную бумагу, которая, еще раз напомнила ему о трагедии его семьи.

В этом документе говорилось, что Владимир родился в 1928 году в Ленинграде на Малой Охте, по адресу: Средний проспект, дом 4, квартира № 7, что его мать Анна, отец Павел и братья Миша и Григорий погибли во время блокады и похоронены на мемориальном кладбище, а имена и фамилия их внесены в электронную Книгу памяти.

Утешение было лишь в том, что в Ленинграде все же остались живы его тетя и двоюродная сестра Валентина, которая во время блокады после смерти матери отвела его с братом Григорием в детдом. Он смог побывать у них в гостях, пройти по тем улицам, где гулял с родителями до войны.

У Владимира Сагидовича и его жены Ляли, которую, кстати, по черкесским обычаям ему выбрали приемные родители, выросли свои дети, есть уже и внуки. А своей ударной работой он завоевал уважение и почет не только у аульчан, но и у всей Карачаево - Черкессии. ибо, благодаря своему профессиональному мастерству стал первым в республике полным кавалером знаков Шахтерской Славы.

Правда, для оформления пенсии, получения удостоверений «Ветеран Великой Отечественной войны» и «Житель блокадного Ленинграда» В. С. Цееву при-

шлось вернуть себе родную фамилию. Теперь по документам он Владимир Павлович Жданов. Однако Цеевы не обиделись. Раз закон требует, надо его выполнять. Да и аульчане в Бесленее зная, что он все равно считает себя черкесом, называют его с черкесским отчеством - Сагидович.

Владимир Сагидович вместе с другими бывшими блокадниками Муссой Агаржаноковым, Ромазаном Хежевым и Ромазаном Адзиновым несколько лет добивались установки в ауле Бесленей памятника тем черкесским семьям, которые в годы оккупации, рискуя своими жизнями, спасали здесь детей – сирот блокадного Ленинграда. И они сделали первый шаг.

В 2002 году, накануне 60 - летия со дня освобождения Кавказа от фашистских захватчиков в ауле Бесленей Хабезского района был установлен памятный знак, на котором укреплен мемориальная доска с таким текстом: «**Посвящаем жителям аула Бесленей, принявшим в 1942 году и воспитавшим нас, детей блокадного Ленинграда**».

А теперь бывшие ленинградцы – блокадники при помощи местных предпринимателей намерены поставить в ауле настоящий памятник олицетворяющий подвиг простых жителей аула совершенный ими в годы минувшей войны. И всем миром собирают на него средства.

Вот такая история человеческого, гражданского и нравственного подвига жителей маленького, глубинного черкесского аула. Да иначе и быть не могло, ведь, несмотря на то, что у нас разные национальность и язык, что мы молимся разным богам, ходим мы по одной земле и все мы дети одной великой страны России.

Малолетние узники

На стене железнодорожного вокзала г.Гулькевичи укреплена мемориальная доска с таким текстом:

«Прохожий остановись! Отсюда 5 ноября 1942 года и 5 января 1943 года были угнаны в Германию, в фашистское рабство несколько сотен юношей и девушек Гулькевичского района. Помни об этом».

Впрочем, такие мемориальные доски могли бы быть на многих вокзалах железных дорог, которые в начале Великой Отечественной войны оказались на оккупированной врагом территории.

Людей, которые прошли через фашистское рабство, как и участников той страшной войны, осталось не так уж много. Подорванное в детстве здоровье не всем дало возможность долго наслаждаться жизнью.

Один из гулькевичских старожилов рассказал мне, что немцы сначала заманивали молодежь добровольно ехать в Германию. Для тех, кто подпишет с ними договор, устроили около вокзала пивное застолье, обещая, что те, кто поедет работать на Рейх, назад вернутся на лучших немецких мотоциклах. Однако, кто поддался на пропаганду немцев и уехал туда, большинство не вернулись. А кто вернулся, даже сейчас через шестьдесят с лишним лет не хотят об этом вспоминать.

Но я - то хочу рассказать не о совершеннолетних молодых людях, которые вправе были сами решить свою будущую судьбу, а о людях подневольных, малолетних узниках фашистских лагерей. Эти, люди в детском или юношеском воз-

расте были насильно вывезены оккупантами из страны и, как рабы использовались на каких-то производствах или в качестве прислуги населением фашистской Германии.

Скажу сразу, встречи с людьми, о которых пойдет речь, были для меня весьма трудными и, от некоторых из них после первого же телефонного звонка я вынужден был отказаться, боясь, что после этого мой собеседник может не перенести психологической травмы, полученной в результате собственных же воспоминаний.

Конечно, судьба этих совершенно ни в чем неповинных маленьких пленников сложилась по-разному - как в Германии, так и после освобождения. Но счастье их было уже в том, что они остались живы и смогли сохранить здоровье. Ведь я-то встретился с ними почти через шестьдесят лет после Победы в Великой Отечественной войне.

Хотя и по сей день у некоторых бывших пленников где-то в глубине души все еще присутствует синдром страха и в разговорах с незнакомыми людьми они стараются подавлять в себе искренность.

« В ПЛЕНУ МЫ БЫЛИ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ»

Мария Алексеевна Язвинская живет в станице Отрадной, в маленьком низком домике. Когда я пришел к ней, она, увидев незнакомого человека, несколько насторожилась, не сразу и поняла, почему через столько лет я спрашиваю ее о Германии и лагере. Ведь обычно мало кто интересуется судьбой, таких, как она. А раньше так с теми, кто вернулся из плена, люди старались вообще не общаться, чтобы не накликать на себя неприятности.

Лишь когда мы разговорились и, я подробно рассказал Марии Алексеевне о цели своего визита, она пригласила меня к себе в дом и показала документы, которые подтверждали, что она действительно одна из тех бывших малолетних узниц, которые в годы войны были угнаны оккупантами в Германию.

Это подтверждает архивная справка № 911, выданная ей Центром документации новейшей истории Воронежской области 22 ноября 1999 года.

Вот что говорится в этом документе:

«Согласно материалам фильтрационных дел, хранящихся в ЦДНИ Воронежской области, Сахарова (Язвинская) Мария Алексеевна, 1927 г.р., уроженка с.

Новосильск Голосновского р-на Воронежской области, в сентябре 1942 года из г. Воронежа была насильно угнана немецко-фашистскими войсками в Германию, г. Берлин, где содержалась в бараке, работала чернорабочей на фабрике «Флер».

В апреле 1945 года была вывезена немцами в Италию, где и была освобождена из неволи в мае 1945 года.

Данных о прохождении госпроверки Сахаровой М.А. в материалах дел нет. Сведений о совершении Сахаровой М.А. преступлений против Родины и человечества в период ВОВ не имеется».

Марии было 14 лет, когда объявили войну. Естественно, что ей сначала не очень-то было понятно, что это значит лично для нее. В полной мере она почувствовала это, когда на фронт ушел отец и вскоре погиб, а они со старшей сестрой Натальей остались жить с мачехой Евдокией Михайловной.

К детям она относилась хорошо, но трудности с питанием и одеждой для девочек, которые быстро росли, порой делали ее слишком нервной и неоправданно жесткой с ними. А тут еще пришла похоронка на мужа, их отца. Это и вовсе повергло ее в шок. Она замкнулась в себе, с работы возвращалась молчаливая, с заплаканными глазами. Мария с Натальей до полуночи слышали ее всхлипывания.

А между тем фронт приближался очень быстро, но еще раньше народная молва доносила до Новосильска сообщения о тяжелых боях, которые шли на Украине и в Белоруссии. Вскоре по дорогам с Запада все больше и больше стало приходить беженцев, среди которых было очень много стариков и детей. Люди были подавлены, растеряны, в их глазах был ужас и смятение.

Они рассказывали, что по пути многие погибли от налетов вражеской авиации, от болезней, что наголодались вдоволь, что враг жесток и беспощаден. Все рассказывали, что сильно бомбят Орел и Курск, что страшные бои идут уже вдоль трассы Курск-Воронеж. Напуганные этими разговорами многие жители Новосильска стали срывать с своих мест и уходить или уезжать на любом попутном транспорте в сторону Воронежа.

Лидия Алексеевна так вспоминает то время:

«Мачеха приходила с работы совершенно перепуганная, опустошенная, нервная. Мы с Натальей, чем могли, помогали ей, пытались спрашивать, к чему готовиться: к эвакуации или останемся дома. Но Евдокия Михайловна только плакала и твердила одно и то же: «Не знаю, не знаю, что делать. Куда пойдем, где жить будем? Ни кола, ни двора. Тут хоть дом есть. Может, не дойдут сюда

немцы...»

Но немцы дошли. Однажды утром мы услышали тяжелый гул самолетов, сначала зазвенели стекла в окнах, потом задрожали стены домов. Вдруг где-то на краю села ухнул сильный взрыв. Теперь уже задрожала и земля. Люди выбежали из домов. Крик, плач, суета, кто-то выскочил посмотреть где бомбят, а кто-то, наоборот, бросился к дому закрывать двери и окна, чтобы спрятаться.

У нас дом был добротный, кирпичный. Мать быстро открыла крышку подвала и крикнула: « Всем в подпол!»

Спустились в подвал, а с улицы то и дело слышались близкие разрывы бомб, противный с пронзительным воем гул самолетов. Все это длилось долго, а потом вдруг все стихло, но сильно запахло гарью. Наталья испуганно сказала: «Мама, наш дом горит...». Я со страху заплакала. С улицы тоже доносился плач и вдруг послышался чей-то дикий, душераздирающий крик.

Мачеха бросилась к люку, открыла его. Все было в дыму, он проникал в дом через разбитые окна.

Мы выскочили на улицу, но оттуда пахнуло жаром. Село горело, люди металась около домов, с плачем и криками пытаюсь хоть что-то вытащить из огня. Но у многих домов, которые пылали, как свечи, людей уже не было. Видно, они погибли во время бомбежки или сгорели. Мы тоже бросились помогать соседям вытаскивать от горящего дома маленьких детей, какие-то вещи, но от нестерпимого жара на улице вскоре всем пришлось убежать на край села, подальше от огня.

Село горело всю ночь и все утро, а на следующий день, когда от большинства домов остались только печные трубы, жители увидели на дороге вереницу мотоциклистов и большие крытые машины. Это в село входили оккупанты».

Мария Алексеевна в точности не помнит, что происходило потом. Осталось в памяти, что всех, кто остался жив, немцы собрали на краю села, окружили солдатами с автоматами. Потом взрослых построили отдельно, и какой-то немец через переводчика что-то долго говорил им.

Несколько дней люди ходили по пепелищу, кто искал останки своих родственников, чтобы похоронить, а кто-то хоть какие -нибудь вещи, чтобы приспособить их для дальнейшей жизни. Как-то заплаканная мачеха пришла домой с какой-то бумажкой и сказала, что немцы отправляют их работать в Германию. С собой разрешили взять одежду, пищу и котелок.

Через день всех сбили в колонну и погнали в сторону Курска. Мария Алек-

сеевна запомнила, что шли несколько дней. Ночевали в поле прямо на земле, где примостится. В пути немцы стали сортировать людей: здоровых – в голову колонны, а раненых и больных - в хвост, те, кто и там отставал вскоре куда-то исчезли. Позже сказали, что их всех расстреляли.

Нас привели на какой-то забитый людьми вокзал, где на путях стояло много железнодорожных составов, и солдаты стали заталкивать нас в товарные вагоны. Народу в них набили столько, что большинству приходилось стоять, негде было даже присесть.

Правда, поезд периодически делал остановки. Тогда автоматчики оцепляли состав, людям разрешали выходить, можно было даже пройтись вдоль поезда, отойти от вагонов по нужде, но каждый раз немцы предупреждали, что, если кто-нибудь попытается бежать, будет расстрелян.

« Сколько времени мы ехали, я сказать не могу, но помню, что в дороге ночевали, - вспоминает Мария Алексеевна. – В наглухо закрытом переполненном людьми вагоне было страшно жарко. Кому-то становилось плохо, кто-то просил воды, кто-то плакал, дело доходило до истерики, но тогда все старались успокоить разбушевавшегося человека, боясь, что немцы начнут стрелять по вагонам.

Наконец поезд остановился, двери вагонов открылись и какой-то человек приказал всем выходить. Нас снова выстроили, проверили по спискам и повели куда-то в лес, где вскоре мы увидели недавно построенные бараки. Это был сборный пересыльный пункт, где нас на другой же день стали распределять на работу. Сюда приехало много немцев, чтобы взять к себе домработников.

Мне запомнилось, что они спрашивали у людей национальность и в работники брали только украинцев, остальных отправляли на заводы. Оказалось, что совсем рядом, за лесом, был большой город. Нам сказали, что это Берлин. Вскоре и нас погнали в сторону города и привели к длинным деревянным баракам, огороженным высоким деревянным забором. Там опять проверили, пересчитали и сказали, что здесь мы будем жить.

Невдалеке, через дорогу, стояли несколько трехэтажных кирпичных зданий. Это была фабрика «Флер», на которой нам пришлось потом работать. Мы делали электродвигатели. Я, например, стояла на намотке роторов.

Фабрика была небольшой, поэтому нас, чернорабочих, было здесь человек около пятидесяти. Русские, молдаване, украинцы, белорусы, французы, итальянцы, голландцы.

Подъем был в пять тридцать, окончание работы - в шесть вечера. Кормили нас в основном вареной брюквой или похлебкой из нее, периодически давали картошку, немного хлеба и чай.

Правда, на какие-то немецкие праздники делали обед несколько разнообразней. Помнится, немножко давали даже каких-то сладостей.

Первое время, примерно с полгода, за ограду лагеря выходить не разрешали, но потом, тех, кто не нарушал режим, отпускали даже в город, но опять же под страхом расстрела за побег.

Один парень, кажется русский, все же попытался из города убежать. Его вскоре поймали, притащили в лагерь всего избитого и здесь, перед строем, жестоко били плетками, а потом говорили, что его расстреляли. Пыталась разыграть сумасшествие и одна женщина. Она стала хохотать, разбрасывать по комнате вещи, кататься по полу. Она, наверное, подумала, что такой работник немцам не нужен, ее выгонят с фабрики, а она как -нибудь потом доберется домой. Но и ее тоже расстреляли.

Несколько человек серьезно заболели и не смогли выйти на работу. Через некоторое время их куда-то увезли и больше мы их не видели. Говорили, что их тоже расстреляли, но публично хозяева это не делали. Однако после этого случая, если кто-то и заболел, то старались не подавать вида и работу не бросать.

Но были и другие примеры. На заводе из немцев в основном работали пожилые люди, большинство женщины. Я, например, знаю, что некоторые из них приносили тем из пленников, с которыми работали, одежду, лекарства, кое-что из съестного. Но делалось это тайно, чтобы никто не знал.

По прошествии какого-то времени тех, кто хорошо работал и не нарушал режима, хозяева даже стали поощрять. Могли, например, дать несколько пфенингов или даже марку и в выходной разрешали сходить в город чтобы что-нибудь себе купить. Но что можно было приобрести на эти гроши? На Выпить стакан сладкой воды или купить нитки, чтобы заштопать поношенную одежду, купить морковку или съесть дешевый салат.

Так мы и прожили больше года. Скажу, что большого разнообразия в нашей лагерной жизни не было. Работа так выматывала, что после ужина большинство обычно сразу ложились спать. Но некоторые до отбоя, который был в 10 вечера, еще успевали что-то сделать для себя: помыться, побриться, постирать, что-то заштопать или подремонтировать обувь.

В редких случаях, в немецкие праздники хозяева разрешали нам отдох-

нуть по своему усмотрению. У одного из наших парней была гитара и вот тогда мы собирались вместе где -нибудь в уголке барака и тихонько пели. Но поскольку среди нас были люди самых разных национальностей, говорили мы на непонятных друг другу языках, поэтому концерты эти были такими: один или несколько человек пели на своем языке, а все остальные слушали, ничего не понимая, о чем поют другие. И все равно это нам нравилось. Тем более в это время мы могли тихонько обменяться какой-то важной для нас, но нежелательной для хозяев информацией, не боясь подслушивания.

Так от тех, кому разрешали выходить в город, мы стали узнавать и о положении на фронте. Однажды моей сестре Наталье кто-то шепотом сказал на ухо, что наши уже наступают и что взяли какой-то город. Но близко или далеко от нас находится этот город, мы, конечно, не знали. Вскоре о делах на фронте мы стали чувствовать по настроению и поведению самих немцев.

Когда наши войска уже перешли границу Советского Союза и стали освобождать страны Европы, приближаясь к Германии, тут уж по волнению и тревоге наших хозяев нам было видно, что у немцев дела складываются неважно. Они и к нам стали относиться как-то по-другому, менее строго, что ли.

Большая паника была на заводе после первой бомбежки Берлина нашими самолетами. Вы знаете, мы почему-то даже не боялись этих налетов. Казалось, наши бомбы не должны упасть на наш лагерь. Мы же свои.

Наши хозяева, бригадиры, охранники ходили хмурые, нервные, перестали смотреть на нас свысока. Мы же старались вести себя как и прежде: не пререкались, выполняли все, что нам поручали, чтобы не вызывать к себе жестокого обращения. А в душе, мы очень гордились нашей Армией, нашей страной.

Поверите ли, мы даже с нетерпением ждали, когда прилетят наши самолеты бомбить город. А это стало происходить все чаще и чаще. Мы понимали, что бомбы могут упасть и на нашу фабрику, да во двор ее несколько раз уже падали зажигалки, но все равно, видя в небе наши самолеты, нам становилось почему-то спокойней. Наверно потому, что мы понимали, что раз самолеты сюда уже прилетают, значит, и нас скоро освободят.

Однажды ночью мы услышали далекую канонаду. В эту ночь никто спать не мог, казалось, что уже к утру наши будут здесь. И действительно, через некоторое время, наша армия стала не только бомбить, но и обстреливать город из пушек. Вот это было уже что-то страшное и для нас.

Это был вал огня, правда, направлен он был в основном на центр города. Но и окраинам доставалось, особенно во время налетов нашей авиации. Противный вой сирен почти не стихал, и нас вместе с немецкими рабочими без конца гоняли в бомбоубежища, которые были сделаны под зданиями самого завода.

А однажды немцы всех нас собрали в одно большое помещение заставили снести туда же все свои вещи. Мы, конечно перепугались, решив, что поведут на расстрел. Уж очень на это было похоже: много солдат суета, спешка, мы даже стали прощаться друг с другом. Но на следующий день нас спешно посадили в вагоны и куда-то повезли. В дороге давали сухой паек и на редких остановках разрешали бегать за водой.

Мне тогда было около 17 лет. Я и не интересовалась, куда и зачем нас везли. После всего пережитого нас более всего заботило, чтобы не расстреляли по дороге, чтобы не попасть под бомбежку, да быстрее добраться до дома.

Не могу утверждать, но говорили, что нас везли через Италию и Румынию. Мне сейчас трудно это все вспоминать.

Где-то, по-моему в Италии, нам выдали документы, что мы освобождены из плена и следуем домой. Но одна моя подруга (она была старше меня) посоветовала эти документы выбросить, объясняя это тем, что, если наши узнают, что мы были в плену, то посадят, как предателей. Я эти документы выбросила. А потом пришлось их снова восстанавливать и доказывать, что мы были малолетними узниками.

До Новосильска мы добрались все трое: я, Наташа и мачеха. Тощие, страшные, но все же живые.

Собственно на этом война для нас и кончилась. Надо было как-то привыкать к новой жизни: искать жилье, работу, выправлять документы.

Наш дом стоял без крыши, она сгорела при бомбежке, и мы какое-то время жили у тетки. Ее дом находился рядом.

Вскоре пришел с фронта наш брат. Под Курском его сильно контузило, и потому из армии его списали подчистую. Он, как мог, стал ремонтировать для себя дом.

Мачеха уехала жить к сестре куда-то под Воронеж. Там у нее были и другие родственники

Наташа еще в лагере познакомилась с парнем, украинцем. Вышла за него замуж и они уехали в Одессу. Ее мужа тут же забрали в армию и она пока жила одна.

Я завербовалась работать на шахту в г. Киселевск. Там вышла замуж. Мы с ним работали вместе: я газомером, а он слесарем.

Потом нас уже в своей стране жизнь помотала по разным городам и весям. У нас родилось два сына.

После смерти мужа я решила приехать жить на его родину, на Кубань, в станицу Отрадную. Купила маленький домик. Здесь, видно, и буду доживать свой век.

«НАС ПЫТАЛИ В ЗАСТЕНКАХ ГЕСТАПО...»

В управлении соцзащиты я взял список людей, которые в годы войны были угнаны фашистами в Германию, и наугад выбрал одну из фамилий - Фуникова Анна Архиповна. Она жила в поселке Урупском, у нее был телефон, и я позвонил, чтобы договориться о встрече.

Однако, мне ответила ее дочь, Таисия Ивановна Выродова. Она сказала, что в юные годы мама действительно была в фашистском плену, несколько лет работала в Германии. Вернувшись после войны, домой, она много лет потом трудилась в сельском хозяйстве, но сейчас больна и, сама отвечать на мои вопросы не сможет.

Но у мамы есть тетради, - сказала Таисия Ивановна, - в которых она подробно написала свою биографию. Если вас это устроит, приезжайте, могу дать их вам на несколько дней. Так и договорились. И вот передо мной две общие тетради, исписанные угловатым неровным почерком человека, которому, видно, не пришлось много заниматься в школе. А начинался текст такими словами: «В этих тетрадках я описала свою судьбу, может быть, внуки или правнуки захотят прочитать их. Пусть знают, как трудно мне жилось, но я никогда не теряла совести и чести и потому все вынесла, всего, чего смогла, добилась сама. Хочу чтобы их жизнь сложилась счастливее моей».

Анна Архиповна Фуникова родилась в 1926 году на Кубани, в станице Новопокровской.

Жизнь ею прожита долгая, хотелось бы при этом добавить - и счастливая, но это, пожалуй, было бы большим преувеличением, ибо уже начало жизни пошло, как говорится, наперекосяк. И это еще слабо сказано.

Анна родилась в большой многодетной трудолюбивой и, нельзя сказать, чтобы слишком уж бедной семье, в которой было семеро детей. Однако судьба так распорядилась, что на нее, одну из младших дочерей, напастей свалилось больше всех.

Когда Анне было пять лет, заболела мать и у нее на глазах умерла. У малышки осталось в памяти, как мама попросила ее подойти к ней, прижала к себе, заплакала и после этого так и осталась лежать неподвижной.

Отца за то, что он не захотел вступать в колхоз, выслали строить железную дорогу в сальские степи, откуда он не вернулся. Старших в семье детей, чтобы не умерли с голоду, определили на работу в колхоз, и у каждого из них началась своя трудная, неустроенная сиротская жизнь, поэтому брать еще и заботу о маленькой Анне ни у кого из близких родственников сначала не хватило смелости.

Потом ее все же взял на воспитание старший брат Тимофей, но этому сразу резко воспротивилась его жена Таисия. Пришлось брату отдавать сестренку то на колхозную площадку (по-нынешнему детсад), то в детдом, то в чужую семью.

Словом, оказалась Анна сиротой при многих родственниках, а потому горюшка хлебнула, можно сказать, полную чашу.

Однако проходил год за годом, девочка росла, взрослела, была не по годам серьезной. Смирившись со своим незавидным положением, она научилась ладить с окружающими людьми, самостоятельно находить выход из сложных ситуаций. Может, как-нибудь и вырулила бы ее жизнь на светлую дорогу, будь то время мирным да процветающим, но тут грянула Великая Отечественная война. Брата как хорошего комбайнера на фронт не взяли, но отправили в длительную командировку на уборку урожая. Боясь за судьбу своей сестренки, он в очередной раз наперекор жене забрал Анну из детдома в свою семью, где у него было уже двое своих маленьких детей.

Жили они тогда в городе Пролетарске. Война для его жителей началась с бомбежки большого элеватора, который горел потом, как,, запомнилось Анне, несколько дней. Вскоре появились и немцы и сразу же начали хозяйничать в городе,

как у себя дома: ходили по квартирам с полицаями и переводчиками, все что-то выискивали, вынюхивали, выспрашивали, записывали.

Несколько раз приходили и к ним, но, как оказалось потом, фашистов интересовала еврейская семья, которая жила вместе с ними в коммунальной квартире.

Однажды, когда Тося ушла на базар, к их дому подъехала большая, похожая на автобус, только без окон, машина, в городе ее звали душегубкой. В квартиру вошли два фашиста, буквально вытащили из дома тетю Сару и ее детей и тут же затолкали в эту машину.

«Мы с племянником Витей перепуганные выскочили на улицу, - пишет Анна Архиповна, - но немец схватил Виктора, пытался достать и меня, чтобы нас тоже бросить в машину. Хорошо, что рядом оказался полицай, который знал моего брата, он-то и спас нас, сказав, что это русские дети, их надо отпустить.

Нам рассказывали потом, что, пока эта машина ездил по городу, в будку, где сидели люди, фашисты пускали газ и все, кто в нейнаходился, умирали, а потом их трупы сбрасывали в Маныч.

Я схватила Витю, и, пока эта страшная машина была у нас во дворе, мы прятались под порогом дома. Тетя Тося очень сильно ругала меня, что мы выскочили из квартиры, когда приезжали немцы.

Однажды ночью домой пришел мой брат Тимофей, позвал меня на кухню и тихо стал говорить, что в городе идут облавы, молодежь забирают, чтобы угнать в Германию, а у меня нет никаких документов, я здесь даже не прописана, а таких забирают в первую очередь.

Тимофей обнял меня и заплакал. Он сказал, что ему надо снова уехать, поэтому на всякий случай нас он увезет на дальний глухой хутор Мокрая Эльмута, чтобы мы пока отсиделись там, а потом видно будет, что делать дальше.

На хуторе он поселил нас в дом к одинокой женщине, у которой муж был на фронте. Она, видимо, тоже знала сиротскую жизнь, поэтому с первых дней стала ко мне относиться очень заботливо, помогала, жалела, подкармливала.

Вроде бы все шло хорошо, но однажды к нам пришел староста хутора с полицаем из местных жителей, который знал немецкий язык, а с ними фашист с автоматом. Полицай стал выяснять, кто я такая, откуда приехала и что здесь делаю. Я была так перепугана всем тем, что с нами недавно случилось в городе, что не знала, как и отвечать.

Видя мое замешательство, немец через старосту стал разговаривать с тетей Тосей, а полицай переводил то, что она ему отвечала. Выслушав все наши объяс-

нения, он сказал, что я должна ехать работать в Германию. Но мне тогда было только пятнадцать лет. Я заплакала. Тогда немец сказал, что если я не поеду, то на работы отправят Тосю с детьми.

Меня тут же записали в какую-то книгу, и немец предупредил, что если я попытаюсь сбежать, то меня расстреляют, как партизанку. Он приставил к моему животу автомат и, улыбаясь, сказал: «пух-пух».

Когда непрошенные гости ушли, я заявила, что все равно никуда не поеду, а лучше убегу в Покровку. Тогда Тося встала передо мной на колени, сняла с себя крест, повесила его мне на шею, зарыдала и стала меня уговаривать никуда не убегать, пожалеть брата Тимофея и племянников. Она сказала, что тогда их всех расстреляют. Тося пыталась убедить меня, что в Германии можно немного поработать, а потом война кончится, и я вернусь. Не вечно же, дескать, немцы будут тут хозяйничать.

Что мне было делать? Убегать все равно было некуда, нигде и никто меня не ждал. Полицай несколько дней приходил меня отмечать и, наконец, в начале декабря сказал, что надо взять с собой все необходимое в дорогу на несколько дней и завтра явиться в Пролетарск на вокзал.

Провожать меня пошел Тимофей. Народу там было страшно много. Я обратила внимание, что в основном это были мальчишки и девчонки моего возраста и чуть постарше. Брат отвел меня в сторонку и тихо сказал, что, когда поезд придет в Сальск, я должна попытаться сбежать, а он мне там поможет. Так мы и решили. Но не тут-то было.

В Пролетарске нас затолкали в товарные вагоны, все двери закрыли, и поезд без остановок шел очень долго. Открыли вагоны только в Ростове-на-Дону, но прежде состав оцепили автоматчики с собаками. От вагонов отходить запретили под страхом расстрела, даже справлять нужду нам пришлось под вагонами, что называется, при всем честном народе, под хохот и тыканья пальцами в нашу сторону охраны.

Потом нас снова загнали в вагоны, опять наглухо закрыли двери, и поезд снова без остановок шел так быстро, что очень скоро мы оказались в Польше. Там была небольшая остановка, а следующая -уже в Германии. По прибытии нас разбили на группы и стали развозить по населенным пунктам.

Так я оказалась в Гельзенкирхене и с 5 декабря 1942 по июнь 1944 года содержалась в концентрационном лагере «Шпортплатц» под номером 420 О.С.Т. Работала на асбестовой фабрике чернорабочей.

Шел декабрь, но в Германии в тот год было очень тепло. Нас привезли в город, выстроили в ряд по группам на городской площади, где уже заранее собралось очень много народа. Шикарно одетые дамы с собачками и без, с мужьями и одни в сопровождении полицейских и переводчиков стали ходить вдоль ряда и выбирать себе работников.

Мы сразу обратили внимание, что они старались выбирать людей высоких, молодых, стройных, привлекательных, сильных. Каждого подробно расспрашивали, что умеет делать, потом придирчиво оглядывали со всех сторон. Тех, кто им понравился, сажали в свои машины, которые стояли поодаль, и увозили. Куда - никто не знал.

Тех же, кто после этого отбора остался на площади, сажали на грузовики и увозили на фабрики и заводы, наверное, в разные города.

В числе последних оказалась и я. Нас привезли в хорошо укрепленный лагерь, огороженный высоким кирпичным забором с тремя рядами колючей проволоки, намотанной по верху забора. Позже мы узнали, что через один ряд проволоки пропущен электрический ток высокого напряжения.

На проходной стояло много вооруженной охраны с собаками. Всех нас очень тщательно обыскивали. Потом развели по баракам. В комнате со мной жили девочки с юга. Две родом из Пролетарска, сестры Лида и Аня из станицы Буденновской Ростовской области. Я особенно близко сдружилась с Таей Кочубей. Здесь были Мария Неверова из Смоленска, Надя Птица, Тамара Живая, Вера Ивлева - из Ростова.

Надо сказать, что в бараках было довольно чисто, вдоль стен рядами стояли двухъярусные нары.

Для работы нам выдали спецовки с номерами на правом рукаве, башмаки на деревянной подошве, очки и капюшоны. Сначала мы не поняли, для чего этот маскарад, а потом оказалось, что производство, где нам предстояло работать, очень вредное, в цеху высокая температура, много пыли от ваты, из которой делали прессованный асбест. Эта вата была страшно кусачей, нельзя было допустить, чтобы она попала в рот или нос. Поэтому, когда мы приходили на работу, все места, куда могла попасть вата, закрывали одеждой, платками, капюшоном, и все это завязывали проволокой.

В нашу обязанность входило подносить в специальных корзинах горячую вату к прессу, на котором делались асбестовые пластины.

На прессе работали двое мужчин, Карл и Лева. Говорили, что они немецкие поляки, поэтому цеховое начальство относилось к ним довольно хорошо. Им даже позволяли отдыхать чуть больше, чем всем остальным. Карл и Лева нас не обижали, а иногда давали доесть то, что оставалось у них в котелках.

Корзины были очень тяжелыми, мы часто обжигали себе руки и ноги, раны страшно болели и долго не заживали.

А еще у меня осталось в памяти, как немцы панически боялись, что у нас могут появиться вши или клопы, и поэтому во всех бараках назначили дежурных, которые должны были постоянно дезинфицировать помещения. А вокруг барачников нам разрешили посадить цветы.

Так мы прожили до весны 1944 года.

И вот однажды в лагере появились листовки с небольшим текстом, в них говорилось, что немцы отступают, а Красная Армия пошла; вперед и скоро Гитлеру будет капут.

Еще в этих листовках были призывы не работать на фашистов а если можно, то вредить им.

Эти новости под страшной тайной шепотом мы стали обсуждать в бараках и на заводе.

Какого-то прямого вредительства я не помню, поскольку немцы нас сразу предупредили, что расстреливать будут не только виновников, но и кого-нибудь еще по выбору.

Тогда мы стали вредить сами себе. Кто руку, кто ногу прижжет посильней, а потом начинает присыпать ее солью, чтобы рана дольше не заживала. Сначала таких травмированных рабочих освобождали от работы, и они ходили в медпункт до тех пор, пока рана немного заживет. Теперь же таких обожженных становилось все больше и больше. Немцы, конечно, поняли, в чем тут дело, и перестали давать освобождение от работы.

А между тем листовок о том, что наши бьют фашистов и войска продвигаются к Германии, было все больше. В некоторых из них уже содержались прямые призывы устраивать в лагерях беспорядки и побеги.

Однажды, начитавшись этих листовок, и мы с Таей Кочубей решили бежать из лагеря.

У нас были хорошие отношения со старичком - поляком, который работал на паровозике, вывозившем тюки асбеста с завода. Он немного знал русский язык, и мы стали осторожно намекать ему, что мы сельские девчата, умеем работать на

огороде, ухаживать за животными, хорошо готовить, прибираться в доме и хотели бы работать у кого-нибудь на дому. Старичок, наверно, понял, в чем дело, и согласился помочь нам выйти за пределы завода. Он даже дал нам адрес своей богатой сестры, у которой якобы были две девушки, работавшие по хозяйству, но погибшие во время бомбежки, вот мы, мол, могли бы заменить их.

Старичок привез цивильную одежду, мы переоделись, и в один из рейсов, спрятав в своем паровозике под тюками, он вывез нас за территорию завода.

Мы пошли искать его сестру. Но как ни старались, как ни переодевались, наверно, все равно было видно, что мы русские. Прохожие на улице подозрительно поглядывали на нас и о чем-то шептались. Тая услышала даже, что нас называли русскими шпионками.

Так что до места, где жила сестра нашего «спасителя», мы так и не доехали.

Конечно, тогда мы были слишком молоды и глупы, чтобы понять всю серьезность нашего положения, поэтому решили попытаться сами устроиться на работу. Стали спрашивать у прохожих на ломаном немецком языке, куда обратиться, чтобы узнать о работе. И нам показали здание, где нам обязательно помогут.

Мы подошли к этому зданию, а это оказалось гестапо. Тут только мы и сами наконец обратили внимание, что какие-то люди давно уже следят за нами.

Мы, конечно, перепугались. Рядом с гестапо был пруд, в котором плавали утки и лебеди. Мы сделали вид, будто просто прогуливаемся здесь, сели на бережку пруда и стали думать, что нам теперь делать, как и что говорить, если нас задержат.

С Таем мы условились, что будем говорить, будто мы с ней родные сестры по фамилии Кочубей, что обе с Западной Украины. Я старшая, а Тая - младшая сестра. Мол, работали у хозяйки, но ее разбомбили, и мы теперь ищем работу.

Пока мы так сидели и планировали, сзади к нам тихо подошла седая, но не очень старая женщина. Она присела рядом и стала по-украински расспрашивать, откуда мы и что тут делаем. Тая стала ей тоже по-украински отвечать. Рассказала все так, как мы с ней только что договорились.

Вдруг эта женщина поворачивается ко мне и начинает говорить на чистом русском языке. Я, совсем забыв, что тоже должна отвечать ей по-украински, заговорила по-русски. Женщина улыбнулась и говорит: «Ну, пошли, девчата, со мной,

я помогу вам устроиться». Мы, глупышки, и пошли за ней, а она привела нас в гестапо. Тут только мы поняли, что попали в ловушку.

Как потом выяснилось, она работала там переводчицей.

В гестапо с нами сначала говорили спокойно, культурно, даже покормили. Мы опять подумали, что нам и правда хотят найти работу.

На первую ночь нас посадили в одну камеру. А на следующий день начали допрашивать - сначала вместе, а потом порознь, требуя, чтобы мы признались, откуда сбежали, как оказались здесь и что собирались делать. Эти допросы с каждым разом были все строже, особенно по отношению ко мне, поскольку я сказала, что я старшая Переводчицей на допросах была все та же женщина. Сначала мы с Таей упорно твердили то, о чем договорились. Но всем сразу стало ясно, какие мы родные сестры, если я не знала украинского языка. Это был наш полный провал, с нами не стали больше церемониться, как с детьми. Разговаривали теперь с каждой отдельно и очень грубо.

Однажды я пришла на допрос, а там за столом сидел огромный детина со страшным лицом и плеткой в руках. Он стал орать на меня как бешеный. Переводчица сказала, что он просит признаться, кто нас сюда послал и что приказал делать.

Я все равно стояла на своем. Тогда этот детина вылез из-за стола и пошел ко мне, размахивая плеткой. Переводчица сказала, что он требует снять одежду и лечь на лавку, которая стояла посередине камеры.

Я перепугалась до смерти, быстро разделась и легла на нее вниз лицом. Палач сказал, чтобы я вслух сама считала его удары. Но он сразу ударил меня с такой силой, что я подумала, что перебьет меня пополам. Помню я смогла досчитать только до трех и потеряла сознание. В последний момент услышала, как Тая в истерическом крике закричала, чтобы меня не били. Позже она мне рассказала, что, когда я потеряла сознание, пришли два немца, взяли меня за руки и за ноги, отнесли в соседнюю камеру и бросили на пол.

Ночью я пришла в сознание от холода и страшной боли. Лежу на полу голая, Таи рядом нет. Я попыталась лечь на нары, но не смогла подняться. Лежу, плачу и думаю, что Таю, наверно, уже убили. Вдруг слышу ее голос:

- Аня, ты жива? Если можешь, подойди к двери, я в камере напротив. В двери есть окошко.

Я встать не смогла и только спросила Таю:

- Тебя били? Она ответила:

- Нет. Но я так испугалась за тебя, что все им рассказала. Через какое-то время, скрипя зубами, я все же перебралась на нары и так пролежала всю ночь.

Утром пришел дежурный, принес одежду, какую-то баланду и сказал, чтобы я одевалась и шла на допрос. Но я идти не могла. Тогда он сам взял меня за шиворот, как котенка, и потащил.

В этот раз меня допрашивал другой человек, но с той же переводчицей.

Теперь, когда Тая во всем призналась, мне тоже ничего не оставалось, как все подтвердить. Когда немец ушел, переводчица сказала, что нам грозит тюрьма или концлагерь, а потом добавила:

- Молитесь Богу, чтобы комендант лагеря не прислал за вами полицейских. Из лагеря вы живыми не выйдете.

В гестапо мы пробыли еще дня два, а потом нас отправили в тюрьму, где начальником оказалась женщина. Она тоже подробно расспрашивала нас, кто мы, из какого лагеря сбежали и почему. Ей мы рассказали все, как было.

В камеру нас посадили вместе, но там уже было столько таких же, как мы, девчат и женщин, что дышать было нечем. Кроме того, здесь же в углу стояло ведро, в которое все справляли нужду. Его выносили раз в сутки, и раз в сутки приносили какую-то малосъедобную баланду, которую, если бы не постоянный жестокий голод, следовало бы тоже выливать в это ведро.

Правда, каждый день нас выводили во двор гулять. Сначала строили всех в затылок друг другу и так в течение часа водили по кругу. Смотреть по сторонам запрещалось. Того, кто пытался это делать, надсмотрщики били плетками.

Просидели мы с Таей в тюрьме больше месяца. Рубцы от плетки на моей спине долго кровоточили и гноились. Спать я могла только на животе, но лечь было негде, поэтому я всю ночь дремала стоя на коленях, упершись лбом в грязную цементную стену камеры. Лишь через несколько недель раны стали немного затягиваться.

Вдруг нас вызвали к начальнице тюрьмы. Ну, думаем, наверно, нас переводят в тот лагерь, о котором говорила переводчица в гестапо. Но оказалось, что за нами приехал полицейский, чтобы сопроводить назад в тот же лагерь, из которого мы сбежали.

Там нам сначала дали штрафную работу: целый месяц мы убрали территорию лагеря, а потом отправили на тот же асбестовый завод.

К тому времени уже открыто ходили упорные разговоры, что Красная Армия с жестокими боями движется по странам Европы, освобождая их, а фашисты быстро отступают. Город все чаще стали бомбить наши самолеты.

Однажды у нас в цеху появился молодой русский парень. Оказалось, что он был хорошим специалистом по электричеству и его привели устранять какую-то поломку на заводе.

Я познакомилась с ним. Звали его Володя. Он сказал, что родом из Чкаловска, служил во флоте, сюда попал после контузии; привезли его из города Ватаншон, где их строительный батальон работает на разборке завалов после бомбежек. А еще он сказал, что им в батальон нужна рабочая на кухню, и предложил мне бежать отсюда и поехать с ним.

Я рассказала ему, как я уже один раз убегала, и показала свою спину. Но он стал убеждать меня, что сейчас другая ситуация, что наши войска очень быстро движутся к Берлину и фашистам уже не до наведения порядка в лагерях, что скоро им придется и всю свою полицию гнать на фронт, чтобы отбиваться от наших. «У нас, - сказал он, - тебе будет легче, работать будешь посудомойкой, подкормишься немного. Ведь тех девчонок, которые перебежали к нам из других лагерей, тоже никто не ищет. И потом у нас безопасней, мы своих в обиду не даем. Мы же флотские ребята».

В общем, он меня уговорил. Тая на этот раз бежать категорически отказалась, а я опять рискнула и снова покинула лагерь уже проверенным способом. Мы с Володей встретились в условленном месте, и он меня привел в свою бригаду.

С ребятами действительно было спокойней и безопасней, поэтому я проработала с ними до окончания войны. Кстати, меня больше ни лагерь, ни гестапо и в самом деле не искали, может быть, потому, что стройбатальон, в котором я оказалась, постоянно перебрасывали с объекта на объект не только в городе, но и за его пределами. А когда в Германию уже вошли союзные войска, мы оказались в секторе, который освободили американцы.

Когда нас освободили, радости нашей не было предела. Мы как раз перешли на объект, возле которого находилась столовая, а в ее подвале оказалось очень много продуктов. Видимо, убегая, фашисты все это в спешке бросили. А для нас такой подарок был как раз очень кстати. Впервые за все время войны мы смогли устроить грандиозное застолье с песнями и танцами на всю ночь. Кругом развева-

лись красные и американские флаги, и еще было много белых флагов. Их вывешивали фашисты, сдаваясь в плен американцам.

Мы так радовались, что кончился весь этот кошмар, нам казалось - дальше наша жизнь будет сплошным праздником.

Но, к сожалению, то первое послевоенное веселье обернулось для нас большой трагедией, которая навсегда осталась в моей памяти. При воспоминании о ней я до сих пор не могу сдержать слез.

А случилось вот что. Утром мы все вышли на улицу. Девчата около кухни мыли посуду, кто-то что-то стирал. А ребята чуть поодаль стояли группой, курили и, видимо, рассказывали друг другу что-то смешное, оттуда доносился дружный хохот.

Где-то вдалеке послышался гул самолета, а потом мы увидели и его самого. Он летел в нашу сторону на небольшой высоте. И вдруг сверху застрочил пулемет, очередь прошла по краю нашего двора. Мы подняли головы и увидели, как с самолета посыпались какие-то продолговатые предметы. За время войны мы уже научились распознавать, что это такое. Один за другим раздались взрывы.

Мы с девчатами бросились на кухню, попадали под котлы. Нас не задело, лишь некоторых чуть поцарапало осколками, а вот ребята, которые стояли на улице, все погибли. Может быть, кому-то из них еще можно было помочь, но очень тяжело была ранена и наша врач-итальянка. Она тут же лежала в луже крови, кричала от боли и тоже просила о помощи.

Для нас это стало настоящей трагедией, мы несколько дней не могли прийти в себя от слез и горя. Похороны были очень тяжелыми, пришло много людей, живших вокруг этого места. Так жалко было наших ребят - веселых, добрых, заботливых. Ведь война кончилась, уже никто не стрелял, ну разве ночью, трассирующими пулями, как салют. Была тишина, люди ходили радостные и счастливые - и вдруг такая трагедия...

Из Германии нас везли на открытых платформах. В основном молодежь. У кого в руках узелок с вещами, у кого - маленький чемоданчик. Это было все «богатство», которое мы заработали в Германии с 1942 по 1945 год.

Ехали мы все без билетов, по справкам, которые нам выдали еще в Германии.

Для меня конечной станцией был Тихорецк. Поезд остановился, я вышла на перрон. Кого-то с радостью и со слезами встречали родные, кто-то сам торопливо уходил, и вскоре перрон опустел.

Я осталась на перроне одна. Куда ехать, куда идти, никто нигде меня не ждал, никому я не нужна.

Постояла я так, поразмышляла о своей жизни, и вдруг так мне Но, к сожалению, то первое послевоенное веселье обернулось для нас большой трагедией, которая навсегда осталась в моей памяти. При воспоминании о ней я до сих пор не могу сдержать слез.

А случилось вот что. Утром мы все вышли на улицу. Девчата около кухни мыли посуду, кто-то что-то стирал. А ребята чуть поодаль стояли группой, курили и, видимо, рассказывали друг другу что-то смешное, оттуда доносился дружный хохот.

Где-то вдалеке послышался гул самолета, а потом мы увидели и его самого. Он летел в нашу сторону на небольшой высоте. И вдруг сверху застрочил пулемет, очередь прошла по краю нашего двора. Мы подняли головы и увидели, как с самолета посыпались какие-то продолговатые предметы. За время войны мы уже научились распознавать, что это такое. Один за другим раздались взрывы.

Мы с девчатами бросились на кухню, попадали под котлы. Нас не задело, лишь некоторых чуть поцарапало осколками, а вот ребята, которые стояли на улице, все погибли. Может быть, кому-то из них еще можно было помочь, но очень тяжело была ранена и наша врач-итальянка. Она тут же лежала в луже крови, кричала от боли и тоже просила о помощи.

Для нас это стало настоящей трагедией, мы несколько дней не могли прийти в себя от слез и горя. Похороны были очень тяжелыми, пришло много людей, живших вокруг этого места. Так жалко было наших ребят - веселых, добрых, заботливых. Ведь война кончилась, уже никто не стрелял, ну разве ночью, трассирующими пулями, как салют. Была тишина, люди ходили радостные и счастливые - и вдруг такая трагедия...

Из Германии нас везли на открытых платформах. В основном молодежь. У кого в руках узелок с вещами, у кого - маленький чемоданчик. Это было все «богатство», которое мы заработали в Германии с 1942 по 1945 год.

Ехали мы все без билетов, по справкам, которые нам выдали еще в Германии.

Для меня конечной станцией был Тихорецк. Поезд остановился, я вышла на перрон. Кого-то с радостью и со слезами встречали родные, кто-то сам торопливо уходил, и вскоре перрон опустел.

Я осталась на перроне одна. Куда ехать, куда идти, никто нигде меня не ждал, никому я не нужна.

Постояла я так, поразмышляла о своей жизни, и вдруг так мнетоскливо стало на душе, так жалко себя, что хоть под поезд бросайся Тут подходит ко мне молодой человек. Он вместе с нами ехал из Германии, только на другой платформе. Спрашивает:

- Куда тебе ехать?

Стою, молчу, не знаю, что и ответить. Тогда он опять спрашивает:

- Родилась-то где?

- В Новопокровке, - говорю.

Он взял меня под руку, подвел к железнодорожной кассе и сказал кассирше:

- Дайте этой девушке билет до Новопокровки. Она из Германии едет. Из плена.

Дали мне билет, и я в тот же день была там, где девятнадцать лет назад родилась, где так трудно началась моя жизнь и куда я приехала теперь, чтобы все начинать сначала».

У Анны Архиповны о том отрезке биографии осталась справка Министерства безопасности Российской Федерации, в которой говорится:

«В соответствии с архивными материалами Управления ФСД РФ по Краснодарскому краю Фуникова Анна Архиповна, 1926 года рождения, уроженка ст. Ново-Покровской, 17 ноября 1942 года насильственно вывезена в Германию. С 5 декабря 1942 года и по июнь 1944 года содержалась в лагере «Шпортплатц» в г. Гельзенкирхен, работала на заводе чернорабочей. После побега содержалась в тюрьме, затем работала в лагере на кухне г. Ватаншон.

16 апреля 1945 года освобождена союзными войсками. Госпроверку прошла в Ново-Покровском РО НКВД. Управление ФСБ не располагает данными, компрометирующими Фуникову».

Так и хочется сказать: как все просто па бумаге и сколь сложна и тяжела порой бывает жизнь человека, которому она принадлежит.

... Я уже заканчивал этот очерк, но надо было уточнить кое-какие детали. Я позвонил в Урупский, чтобы еще раз попытаться договориться с Анной Архиповной о встрече, но к телефону снова подошла ее дочь, Таисия Ивановна. Она сказала, что мамы больше нет.

Память о непростой жизни этого человека осталась в сердцах тех, кто делил с ней все горести и радости, да еще на страницах двух школьных тетрадок, из которых я почерпнул сведения, ставшие теперь известными и вам.

ЛЕНИНГРАДЦЫ, ДЕТИ МОИ...

(статья из газеты «Сельская жизнь» районная , 9 мая 1987год.)

Весной прошлого года в нашей газете была опубликована серия очерков, рассказывающих о судьбах детей блокадного Ленинграда, вывезенных во время войны на Кубань в станицы отрадненского предгорья. Многие населенные пункты нашего района стали для маленьких ленинградцев второй родиной. Здесь пережили они вражескую оккупацию, здесь выучились, стали на самостоятельную дорогу жизни. А для некоторых из них наши жители стали людьми, заменившими родителей.

Бывшие воспитанники ленинградских детских домов, располагавшихся в сороковые-пятидесятые годы на территории нашего района, разъехались по всей стране, получили профессии. Есть среди них специалисты высокого класса в разных областях народного хозяйства, ученые, работники культуры и искусства, военные. Но по-прежнему каждый из них мечтает хоть на денек попасть в те места, где прошло их детство, где и сейчас живут их учителя, одноклассники. Как известно читателям нашей газеты, 8—9 августа нынешнего года клуб «Отчизна» станицы Передовой соберет на встречу бывших воспитанников Ленинградских детских домов. Сейчас рассылаются им приглашения и в редакцию нет-нет, да и придет письмо от кого-нибудь из бывших воспитанников или воспитателей этих детских домов.

Вот и недавно пришло письмо от одного из бывших работников ленинградского спецдетдома № 2, который располагался в станице Передовой, Ивана Семеновича Кендюхова:

«Я вернулся с фронта в станицу в 1943 году инвалидом. Сначала работал в колхозе учетчиком полеводческой бригады, потом военруком в средней школе, а с 1946-года стал воспитателем передовского детдома № 32 (бывшего № 2)

Работал я в группе мальчиков вместе с Иваном Ивановичем Гутой, которого, я думаю, хорошо знают педагоги района.

Тяжело, конечно, вспоминать те годы. Война много, наделала бед, большие лишения пришлось перенести и нашим ребятам. О войне, в блокаде они стараются не вспоминать, зато всегда с большой благодарностью отзываются о передовцах, спасших их от голода и холода, от расправы фашистских извергов. Мы уже несколько раз встречались с воспитанниками в Ленинграде, где многие из них живут теперь и работают. Приезжали и они в Передовую, чтобы еще раз встретиться со станицей своего детства.

Вспоминая сейчас тех, кто помог маленьким ленинградцам встать на правильный жизненный путь, мне хотелось бы назвать бывших директоров этого спецдетдома Елизавету Павловну Абрамову, которая живет сейчас в Армавире, Лидию Федоровну Иванову и уже ушедшую из жизни Агафью Никитичну Дегтеву. Иван Иванович Гута ныне живет и работает в госплемзаводе «Урупский». В станице Передовой и сейчас живут бывшие работники детдома пенсионеры Василий Андреевич Баев и Мария Владимировна Гетмонова, которая продолжает работать учителем в СШ № 8. Работает завхозом в Передовской участковой больнице и наша бывшая техслужащая Юлия Ивановна Баева.

В станице Удобной живет ветеран педагогического труда Екатерина Кондратьевна Тарасова, а в станице Зеленчукской—бывший воспитатель детдома Мария Павловна Давыдова.

Я и сейчас поддерживаю связи со многими воспитанниками. Мы как родные друг другу, делимся новостями, советуемся, пополам у нас и радости и горе.

Юрий Васильевич Факеев работает заместителем директора одного из научно-исследовательских институтов города Ленинграда, Василий Алексеевич Бабаев—грузчиком в Ленинградском аэропорту, Владимир Николаевич Ананьев —мастером на одном из заводов города Кириши, Валентин Николаевич Ананьев — инженером-энергетиком в Ленинграде, Владимир Федоров работает в хозяйстве «Лесовод» Ленинградской области, Виктор Бычков живет в станице Передовой, Василий Васильевич Макеев трудится на Балтийском заводе.

Так что нам, педагогам, есть кем гордиться. И мы с нетерпением ждем на летнюю встречу в клубе «Отчизна» наших воспитанников.

Им, пережившим смерть, голод, разруху, потерявшим родных и близких, эта встреча, я думаю, еще раз покажет, что много у них братьев и сестер, людей, которые их помнят, и ждут, которые и сейчас, через много лет сердечно рады видеть и слышать их.

Да, действительно, кубанцев и ленинградцев породнило горе. Оно связало нас памятью о великом подвиге нашего народа, памятью о людях, ценой невероятных жертв победивших зло и подаривших нам счастье сегодняшнего светлого мирного дня. Не потому ли каждого, кто узнает, что этим летом в Передовую приедут на встречу дети войны, невольно охватывает волнение. И хочется пожелать им лишь одного—пусть не повторится больше война, пусть никогда не будут знать ее ни их дети, ни внуки их внуков, и пусть эта встреча вернет их в самые радостные воспоминания